

Частичное правосудие

ИССЛЕДОВАНИЕ СМЕРТЕЙ ЖУРНАЛИСТОВ В РОССИИ, 1993-2009

Эта публикация не может быть воспроизведена ни в какой форме, полностью или частично, без письменного разрешения издателя. На содержание этой книги распространяется авторское право, и права использовать предоставленные материалы остаются за авторами этой книги.

На обложке использованы фотографии:
Пречистенка, Москва, январь 2009 (Новая газета).
Журналисты, погибшие с 1993 по 2009 годы (Memorium, www.memorium.cjes.ru)

Издатель: Айдан Уайт,
Генеральный секретарь Международной федерации журналистов
Составитель и редактор: Джон Кроуфут
Администратор: Оливер Мони-Кирле, Директор проектов МФЖ
Перевод: Татьяна Липовская
Дизайн: Мэри Шрайдер
Отпечатано в типографии Druk Hoeilaart, Бельгия

Международная федерация журналистов выражает благодарность Союзу журналистов России, Фонду защиты гласности и Центру экстремальной журналистики. Особая признательность – Сергею Плотникову (ЦЭЖ) и Елене Милашиной и Игорю Королькову (ФЗГ) за их работу по аналитическим расследованиям конкретных случаев; Роману Шлейнову, отдел расследований Новой газеты, и Яне Корзининой из Агентства журналистских расследований (Санкт-Петербург) за обзор этих дел.

Составление этого отчета было бы невозможно без поддержки Фонда “Открытое общество” (Лондон).

МФЖ хотела бы поблагодарить “Index on Censorship” (Лондон) за помощь в установлении базы данных в интернете.

МФЖ также приносит благодарность фотоагентству Belga, «Новой газете» и вебсайту Memorium за разрешение использовать фотографии из их архивов.

Published in Belgium by the International Union of Journalists
© International Union of Journalists
International Press Centre Residence Palace, Block C
155 rue de la Loi B – 1040 Brussels Belgium

Предисловие

Журналистика во всем мире продолжает оставаться опасной профессией. Согласно находящемуся в Брюсселе Международному институту безопасности информации (INSI), более одной тысячи журналистов была убита по причине их профессиональной деятельности за последние десять лет. Шокирующие данные: между 1996 и 2006 годами девять из десяти убийц избежали суда, что делало убийство журналиста дешевым, легким и фактически свободным от риска способом глушения критики.

«Частичное Правосудие»¹ – важная инициатива Международной федерации журналистов и Союза журналистов России, по сбору сведений о более трёх сотнях смертельных случаях и исчезновениях журналистов в России между 1993 и 2009 годами. Это стало возможным только благодаря усилиям двух ведущих организаций, осуществляющих мониторинг СМИ России, – Фонда защиты гласности и Центра экстремальной журналистики. Итоговый отчет дает мрачный образ, но объясняет насущную необходимость, чтобы эти преступления были должным образом расследованы и виновные наказаны.

Убийство Анны Политковской в октябре 2006 потрясло мир, но есть еще много менее известных журналистов по всей России, убитых за свою работу. До недавнего времени гибель их должным образом не расследована, а убийцы в большинстве случаев остаются не наказанными. Впервые данный отчет представляет обобщающее исследование этих убийств, произошедших либо в зонах военного конфликта, либо в мирных городах, когда журналистов убили за их работу или они погибли вследствие несчастных случаев.

Настойчивая работа, сделанная СМИ России, уже привела к существенным изменениям, обязывающим правоохранительные органы ставить на учет и расследовать эти несчастья. Уже гораздо меньше фактов занижения сведений об убийствах журналистов в России благодаря кампаниям, проведенным коллегами и семьями убитых журналистов, их Союзом, правозащитными организациями.

МФЖ полностью поддерживает эти кампании, направленные на то, чтобы преодолеть этот кризис безнаказанности, взяв под контроль дела об убийстве журналистов, настаивает на улучшении условий их безопасности, в том числе в зонах военных конфликтов. Через свой Фонд Безопасности МФЖ поддерживает семьи журналистов, жертв насилия, деньгами, собранными Союдами журналистов, членов МФЖ.

Именно этот растущий кризис подтолкнул Международную федерацию журналистов вместе с INSI инициировать принятие Советом Безопасности ООН Резолюцию 1738 от 23 декабря 2006 года, которая осуждает нападения на журналистов и призывает, чтобы правительства выполнили свои обязательства в отношении гарантий безопасности работников СМИ.

Джин Бумелья
Президент МФЖ

Всеволод Богданов
Председатель СЖР

¹По-английски этот отчет называется «Partial Justice». Это двусмысленное название означает одновременно неполное правосудие и пристрастное правосудие.

Исследование и обработку базы данных «Смертельные случаи и Исчезновения Журналистов в России, 1993-2009» МФЖ осуществляла в сотрудничестве с Фондом защиты гласности, Центром экстремальной журналистики и Российским Союзом журналистов. Свой вклад в общую работу внесли Агентство журналистских расследований (АЖУР) из Санкт-Петербурга, и отдел расследований «Новой Газеты» (Москва). Отчет подготовлен при финансовой поддержке Фонда «Открытое общество» (Лондон).

Центр экстремальной журналистики
<http://www.cjes.ru/>

Фонд защиты гласности
<http://www.gdf.ru/>

Союз журналистов России
<http://www.ruj.ru/>

Международная федерация журналистов
<http://www.ifj.org/en>

Содержание

ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЕЗ НАКАЗАНИЯ	2
Международный аспект.....	3
Российский опыт.....	4
1. СМЕРТИ И ИСЧЕЗНОВЕНИЯ	6
При исполнении обязанностей.....	7
Между двух огней.....	7
Убийства.....	8
Инцидент не подтвержден и пропавшие без вести.....	10
2. БЕЗНАКАЗАННОСТЬ И ЧАСТИЧНОЕ ПРАВОСУДИЯ	11
3. АНАЛИТИЧЕСКИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ	14
Вагиф Кочетков.....	15
Бытовые преступления?.....	16
Валерий Иванов и Алексей Сидоров.....	17
Заказные убийства.....	21
Эдуард Маркевич.....	23
Старая пресса, новая пресса.....	24
Владимир Кирсанов.....	27
Дмитрий Холодов.....	29
Избирательное Правосудие	32
4. РЕКОМЕНДАЦИИ	34
ПРИЛОЖЕНИЯ	
1. Схема аналитического расследования гибели журналистов.....	36
2. Конфликты, зафиксированные в течение 2008 года.....	37
3. Международные правила для безопасности журналистики.....	38

Частичное Правосудие

Исследование смертей журналистов в России, 1993–2009

В пятом часу вечера 7 октября 2006 года в Москве была застрелена Анна Политковская. Не было и нет сомнений в том, что её убили из-за её работы в качестве журналистки.

В последующие два года это убийство расследовалось правоохранительными органами России, было задержано десять человек. Главный следователь по делу из Генеральной прокуратуры в интервью “Новой газете” (№ 77, 8 октября 2007 года) сообщил, что ведется также работа в наиболее трудном направлении – установлении заказчика убийства. Список подозреваемых, сказал Петрос Гарибян, сократился до четырех имен.

В ноябре 2008 в Москве начался суд над обвиняемыми в причастности к ее убийству. Убийца выехал из страны и объявлен в розыск; человек, заказавший убийство Анны, все еще не был установлен. В содействии организации убийства обвинялись два брата и бывший офицер отдела по борьбе с организованной преступностью. Обвинение было убеждено, что четвертый человек, сотрудник ФСБ, играл основную роль в планировании убийства, что и было отмечено в заключительной речи прокурора на суде. Однако для привлечения Павла Рягузова к ответственности не нашлось достаточно доказательств, и он проходил по другому обвинению в суде, который состоялся в это же время.

Девятнадцатого февраля 2009 года суд присяжных вынес решение, что дело против обвиняемых в организации убийства Анны не доказано. Обвинения в вымогательстве против двоих из обвиняемых тоже не были утверждены. Все четверо были оправданы и освобождены в зале суда.

Безнаказанные убийства

Убийство в 2006 году международно признанной журналистки вызвало возмущение во всем мире и в очередной раз привлекло внимание к России

как к особо опасной для репортеров стране. Международные и российские организации призвали тщательно расследовать убийство Политковской и положить конец безнаказанным убийствам журналистов в стране.

Международная федерация журналистов, совместно с российскими коллегами, начала специальное исследование.

Однако судебный приговор по делу Политковской повторил схему уже знакомых с 2002 года двух дел. В этом году были оправданы обвиняемые в убийстве Дмитрия Холодова, военного корреспондента “Московского комсомольца”. (Их оправдают еще раз после второго суда в 2004 году.) В 2006 году были признаны невиновными предполагаемые убийцы Пола Хлебникова, главного редактора нового российского издания “Форбс”. В феврале текущего года суд вынес такое же решение по делу об убийстве Анны Политковской.

Есть и различия. Прежде чем дело Холодова дошло до суда, прошло шесть лет. Последующие судебные разбирательства состоялись быстрее. И все же после прохождения формальных процедур, предписанных законом, результаты совсем не похожи на правосудие. Это отмечают как сторонние наблюдатели, так и многие участвовавшие в процессе специалисты. Во всех четырех случаях российская сторона обвинения, Генеральная прокуратура, опротестовывала решения перед Верховным Судом Российской Федерации. На сегодняшний день Верховный Суд дважды возвращал приговоры для пересмотра; решение по делу Политковской все еще предстоит принять.

Все это были московские убийства, московские суды. Какова же картина для всей России? Может кто-нибудь сказать, что у них есть достоверные данные для такой огромной страны? В настоящем отчете даются ответы на эти вопросы. Источниками информации послужили записи и расследования российских наблюдателей – “Фонда защиты

гласности” (ФЗГ) и “Центра экстремальной журналистики” (ЦЭЖ).

- ▶ В отчете проанализированы свидетельства, собранные в базе данных, описывающие более трехсот случаев гибели и исчезновения журналистов и других работников средств массовой информации в России с 1993 года. Читатели могут (и им следует) обращаться к базе данных Journalists-in-Russia.org, чтобы получить полное понимание этого отчета.
- ▶ Здесь также суммированы расследования убийств шести журналистов и других работников СМИ, проведенные ФЗГ и ЦЭЖ и составляющие часть этого исследования.
- ▶ Отчет завершают предложения и рекомендации, выработанные на основе консультаций с участниками исследования и приглашенными специалистами.

В конечном счете, российская судебная и политическая система должна обеспечить защиту и правосудие для журналистов, работающих в стране. В то же время Россия подписала и ратифицировала немало международных договоров и соглашений. Благодаря участию в ООН и, особенно, в Совете Европы, Россия несет обязательства по соблюдению прав человека и отправлению правосудия. А что касается войн и конфликтных ситуаций, то Женевское соглашение 1949 года и дополнительные Женевские протоколы 1977 года предписывают ей определенные стандарты поведения в отношении гражданских

лиц, включая журналистов и других работников средств массовой информации. С декабря 2006 в соответствии с Резолюцией 1738 Совета Безопасности ООН Россия также обязана гарантировать безопасность журналистов в конфликтных ситуациях.

Международный аспект

Наиболее часто цитируемый источник по теме убийств журналистов во всем мире – Комитет защиты журналистов в Нью-Йорке. С начала 1990-х Комитет издает список журналистов, убитых из-за работы, по всему миру. Авторы этого списка стараются применять общепринятые стандарты и включать лишь те убийства, мотивы которых не подлежат сомнению. В 2006 году Россия заняла третье место в списке КЖЖ: за предыдущие 13 лет было убито в связи с работой 47 журналистов.

Находясь в высшем эшелоне по числу смертей журналистов, Россия в последние шесть лет занимает место в последней двадцатке стран по индексу свободы печати, выработанному “Репортерами без границ” (RSF). Это не самый полезный или конструктивный способ описания положения России как в недавнем прошлом, так и сегодня: обычно в таких списках у неё мало общего с ближайшими соседями. Такие показатели, наверное, более понятны в иной группировке (см. Таблицу 1). Члены “Большой двадцатки” (G20) представляют многие типы режимов. Их индекс свободы печати в 2007 году колебался в широких пределах; они сильно отличаются и по числу журналистов, убитых за прошедшие

10—15 лет только из-за работы (колонка 1), или ещё погибших в несчастных случаях, связанных с выполнением ими профессиональных обязанностей (колонка 2).

Это имеет непосредственное отношение к развитию России в недалеком прошлом и в настоящий день. Если число целенаправленных убийств журналистов уменьшилось, значит ли это, что страна на пути к большей свободе печати? Или столь сильна самоцензура, вызванная безнаказанными нападениями и убийствами, что такие радикальные меры больше не нужны? “Убийства журналистов, – говорит Комитет защиты журналистов, – являются самым распространенным барометром свободы печати”. Недаром первым вопросом, который с 2002 года стали задавать “Репортеры без границ” при установлении ежегодного индекса свободы печати, является: “Были ли убиты журналисты в вашей стране в прошлом году?” Но это лишь один из 50 вопросов, помогающих определить экономический, политический и правовой климат, в котором работают средства массовой информации. Взятые совместно, они помогают описать “весь спектр нарушений свободы печати”, например, “убийства или аресты журналистов, цензура, давление на журналистов и средства массовой информации, государственная монополия в различных сферах, наказание за нарушения законов о печати и правил СМИ”.

С начала 1990-х в развитии пяти стран из “Большой двадцатки” появился тревожный синдром. По индексу свободы печати они по разному оцениваются но в Бразилии, Индии, Мексике, России и Турции убийства журналистов большей частью остаются безнаказанными. В одной стране из этой группы заметны признаки перемен. Из 19 убийств журналистов в Турции только два произошли после 2000 года. В остальных четырех странах мало что изменилось. И ситуация становится тем хуже, чем дольше преступники, политики, военные и спецслужбисты могут убивать безнаказанно тех, чьи расследования и публикации угрожают им, или тех, чьи взгляды им попросту не нравятся.

Российский опыт

Вскоре после гибели Анны Политковской в ежемесячном журнале “Журналист” был

опубликован список из 247 имен погибших журналистов. Значит ли это, что ситуация еще хуже, чем считалась? Именно для установления, как и почему погибли эти женщины и мужчины, началась работа по базе данных “Смерти и исчезновения журналистов в России, 1993—2009”, спонсором которой является Международная федерация журналистов. В процессе работы открылись иные измерения проблемы. Как показывает данный отчет, еще более явно вырисовывается тема безнаказанных убийств.

Выполнение этой задачи стало возможным, во-первых, лишь благодаря изыскательской работе “Фонда защиты гласности”, который старался описать все и каждую из насильственных смертей, и, во-вторых, бесценному собранию “Центром экстремальной журналистики” персональных данных, репортажей и фотографий на веб-сайте “Metogram”. В результате база данных сейчас содержит описания более трехсот случаев гибели и исчезновения журналистов и других работников СМИ в России с 1993 года. Это тревожный и обличительный документ. И он может быть с легкостью неправильно истолкован.

Начиная с 1991 года по инициативе Союза журналистов России 11 декабря в стране отмечается день памяти журналистов, погибших во время выполнения профессионального долга. В 2006 году этот день впервые официально отмечен в Грозном. На событии присутствовал президент Чечни Рамзан Кадыров. В ходе церемонии прозвучало, что в России было убито 300 журналистов, из которых “около 100” погибли или пропали без вести в Чечне с 1991 года. В нашей базе данных другие цифры. Из нее видно, что 124 журналиста и других работников СМИ погибли, выполняя свою работу в России, а список насильственных смертей и исчезновений в Чечне содержит 36 имён.

Разница в цифрах объясняется двумя причинами. Это, во-первых, потому, что база данных составлена из отдельных записей, пусть и не всегда полных, а не из обобщений или заимствованных откуда-то сведений. Принцип базы данных и этого отчета – собрать информацию по каждому человеку. Это служит не только для того, чтобы помнить всех, кто погиб при несчастных случаях, в перестрелках, при терактах и в результате нападений, но и для того, чтобы поддерживать проведение

расследований соответствующими властями и способствовать этим расследованиям. Много здесь имён, но не так много чтобы превращать дискуссию в обсуждение безликой статистики.

Во-вторых, оценка причин и мотивов по каждому случаю гибели является

обязательной частью базы данных.

Можно спорить об оценке мотивов, но это существенно важная часть работы, и сейчас любой имеет доступ к базе данных в интернете и может сравнивать то, что там есть, со своими знаниями и опытом.

ТАБЛИЦА 1: Некоторые сравнения в международном масштабе

Члены "Большой двадцатки" (G20)	СМЕРТИ		СВОБОДА ПЕЧАТИ
	Смерти по данным КЗЖ ¹	Смерти по данным МФЖ/INSI ²	Индекс свободы печати RSF 2007 ³
Австралия	2	6	82
Аргентина	0	0	28
Бразилия	16	27	84
Германия	2	1	18
ЕС 23	2	5	163
Индия	5	16	19
Индонезия	0	2	31
Италия	0	6	20
Канада	26	45	120
Китай	5	13	100
Мексика	0	0	35
Россия	1	1	37
Саудовская Аравия	15	31	136
Соединенное Королевство	50	96	144
США	1	1	148
Турция	3	4	43
Франция	0	0	39
Южная Африка	19	6	101
Южная Корея	1	2	24
Япония	5	21	48
Всего по "G20"	153	283	-
Всего в мире	734	1000	169 стран

¹Комитет защиты журналистов (КЗЖ), смерти с 1991 по март 2009.

²Международная федерация журналистов/Международный институт безопасности информации (МФЖ/INSI), 2007. Смерти с 1996 по 2006.

³"Репортеры без границ", индекс свободы печати на 2007 год.

Смерти и исчезновения

Составляя документацию о гибели журналистов, наблюдатели должны ответить на два вопроса: почему умер этот журналист или другой работник СМИ?

Если было совершено преступление, что сделали власти? Однако в огромной стране, переживающей процесс непрерывных перемен, первоочередной задачей российских медийных наблюдателей было просто собирать информацию о любой насильственной или подозрительной смерти.

При оценке этих смертей здесь и в базе данных использованы три категории:

- ▶ погибшие при выполнении профессиональных обязанностей или в результате выполнения их профессионального долга (**Ж**);
- ▶ нерасследованные смерти или те случаи, где результаты расследования вызывают сомнения (**?Ж**);
- ▶ гибель журналистов и других работников СМИ в результате несчастного случая либо происшествия, не связанного с выполнением ими профессиональных обязанностей (**нЖ**).

За основу взяты категории, использованные "Центром экстремальной журналистики" на его веб-сайте "Memogium", однако оценка отдельных случаев, приведенная в отчете и в базе данных, может отличаться от оценки "Memogium". Исходя из информации в базе данных, можно уверенно заключить, что за прошедшие 15 лет в России 86 журналистов и других работников СМИ погибли, делая свою работу (**Ж**). Еще 38 могли быть убиты из-за выполняемой ими работы, но здесь нет абсолютной уверенности (**?Ж**). пятеро из них погибли в Москве, остальные – в других местах; девят человек пропали без вести и

большинство из них сейчас наверняка мертвы; 19 случаев являются убийствами; и в 10 случаях тип инцидента не мог быть с определенностью подтвержден. В 189 случаях смерть почти наверняка не связана с работой (**нЖ**).

1.1. При исполнении обязанностей

В понедельник вечером 16 июля 2007 года в Пензе оператор местного 11 телеканала Александр Жадаев был убит во время съемок дорожно-транспортного происшествия в городе. Едущий с большой скоростью автомобиль не справился с управлением и врезался в машину "Скорой помощи", которую отбросило на стоявших рядом людей. Жадаев был убит на месте, второй пострадавший, свидетель аварии, доставлен в больницу. Автомобилем управлял нетрезвый работник ГИБДД: у него был выходной.

Это несчастный случай. Ни в прессе, ни на последующем судебном процессе не возникло предположения, что это было целенаправленное покушение на Жадаева. В то же время трудно отрицать, что оператор был убит во время исполнения профессиональных обязанностей. Международная федерация журналистов и INSI регулярно записывают такие смерти, а Комитет защиты журналистов – нет. Таким образом МФЖ и INSI регистрируют "безопасность новостей", которая зависит не только, и даже не столько от правоохранительных органов, но также от ответственности работодателей и самих работников средств массовой информации. Случаи смерти в середине 1990-х оператора Валерия Зуфарова и журналиста Андрея Пральникова представляют собой пример более осознанного риска: они получили смертельную дозу радиации во время репортажей о последствиях Чернобыльской аварии в 1986 году.

Международный институт безопасности информации (INSI) в отчет за 2007 год "Убить вестника" включил "всех погибших от

несчастных случаев во время сбора информации работников средств массовой информации и внештатных сотрудников”, описывая это как “любые смерти, будь то умышленные убийства, гибель в результате несчастного случая или смерть, связанная с состоянием здоровья”. Международная федерация журналистов (МФЖ), одна из попечителей INSI, давно регистрирует “связанные с работой” несчастные случаи, приводя примеры “журналистов и других работников СМИ, погибших на работе в авто-, авиакатастрофе либо в иных происшествиях, в стихийных бедствиях, или в результате медицинских проблем, связанных с напряженной либо опасной работой”. Однако в ежегодных отчетах МФЖ об убийствах журналистов и других работников СМИ эти случаи записываются отдельно от умышленных нападений, то есть перестрелок и убийств.

Начиная с 1994 года “Фонд защиты гласности” (ФЗГ) и “Центр экстремальной журналистики” (ЦЭЖ) задокументировали гибель более семидесяти журналистов, операторов и других работников СМИ в различных несчастных случаях по всей России. Из этих смертей 34 могут считаться связанными с работой. Некоторые случаи были тщательно расследованы. Несколько случаев дошло до судебного разбирательства. Пилот вертолета, неосторожное управление которым привело к гибели четырех журналистов и операторов (пилот выжил) в Хабаровском крае в 2001 году, получил два года условно. В трех вертолетных катастрофах в общем погибло на работе 11 работников СМИ. Еще 14 стали жертвами дорожно-транспортных происшествий, “связанных с работой”, в мирное время.

Лишь изредка всерьез предполагалось, что авиа- или авиакатастрофа могли на самом деле быть результатами саботажа или каких-либо иных действий злоумышленников. Не удалось пока найти убедительных доказательств такого рода.

1.2 Между двух огней

В ноябре 1996 года телевизионная группа из трех человек отправилась делать репортаж об инвалидах-ветеранах афганской войны на одном

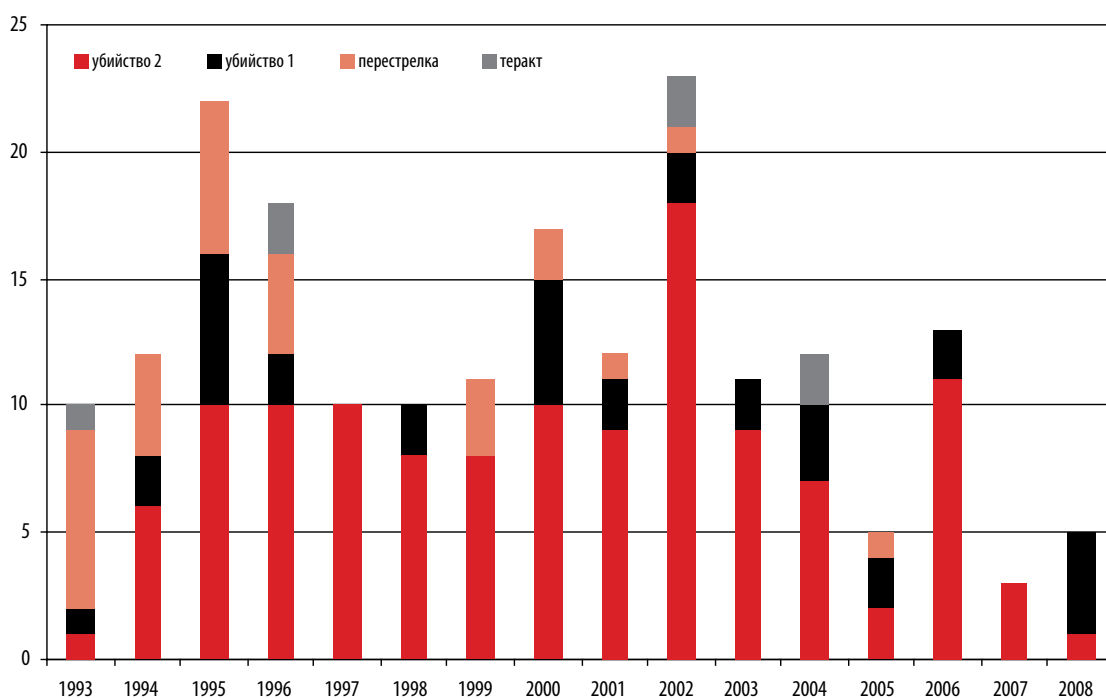
из московских кладбищ. Годом раньше первый председатель этой организации был убит, и афганцы собрались, чтобы отметить годовщину его смерти. Марина Горелова и Юрий Шмаков, приглашенные к столу на поминки, погибли вместе с двенадцатью другими в результате взрыва бомбы у памятника.

Никто специально не собирался убивать журналистов, тем не менее они погибли, выполняя свою работу. Это была потенциально опасная работа, так как соперничающие организации воинов-афганцев и раньше убивали друг друга, включая усопшего председателя. С 1993 года еще пять журналистов погибли в результате различных террористических актов, хотя на работе в этот момент находились лишь двое из них.

Среди погибших в Московских событиях 3—4 октября 1993 года семи работников СМИ находились опытные операторы, работавшие до этого во многих горячих точках мира, как, например, француз Иван Скопан. Многим российским и иностранным журналистам суждено погибнуть в Чечне с декабря 1994 по август 1996 и после октября 1999 года, добавив к общему числу смертей еще 22. Гибель в опасных конфликтных ситуациях несут бомбы и пули. В большинстве случаев журналисты попали в перестрелку, стали жертвами насилия, не делаящего различий, не то, чтобы они были специально выбраны. Московские события октября 1993 года и две чеченские кампании ставят Россию в другую категорию относительно убийств журналистов. До начала в 2003 году войны в Ираке только в России и Боснии отмечен такой высокий уровень смертности журналистов в ситуациях перестрелок.

Ни федеральные российские войска, ни чеченские боевики, как отмечает Красный Крест, не уважали права гражданских лиц во время конфликта. Поэтому есть немало иронии в предоставлении работникам СМИ дополнительной защиты путем приравнивания их к гражданскому населению по Женевским протоколам 1977 г. В 1999 году два оператора – Шамиль Гигаев и Рамзан Межидов – погибли во время обстрела российским боевым самолетом

ГРАФИК 1: Гибель журналистов в России, 1993–2008

колонны автомашин, явно обозначенных красными крестами. Неизвестно, проводилось ли расследование по этому злодеянию.

Есть явные случаи убийств. Оператор Фархад Керимов и журналистка Надежда Чайкова были казнены во время первой чеченской кампании; оператор Адам Тепсуркаев был застрелен в 2000 году. Обе стороны конфликта были обязаны по Женевским соглашениям соблюдать права журналистов и других работников СМИ. Убившие этих людей совершили военное преступление.

По делам обращения с журналистами во время обеих чеченских кампаний состоялось только одно судебное разбирательство. В июне 1995 года журналистка Наталья Алякина была убита российским солдатом, который несколько раз выстрелил вслед ее отъезжающей машине. Перед этим ее вместе с пассажиром пропустили через контрольный пункт, а затем, как было сказано в суде, солдат нечаянно наступил на затвор пулемета, смонтированного на БМП. Солдат был обвинен в небрежном обращении с оружием, осужден и впоследствии амнистирован. Гибель Рамзана Хаджиева, чеченца по национальности, работавшего на ОПТ, убитого год спустя в почти идентичных обстоятельствах, не привлекла

такого внимания. Главный телеканал России, работодатель Хаджиева, сначала даже пытался обвинить в убийстве чеченского снайпера. Алякина работала в немецком агентстве RUFO.

1.3 Убийства

Если в предыдущих категориях число смертей и имена журналистов в общем совпадают с приводимыми другими организациями, то число убийств в мирное время по базе данных сильно превышает все остальные цифры. Российские наблюдатели сейчас бы наверно согласились, что из 160 убийств около четверти связаны с работой, выполняемой убитыми журналистами (см. График 1, “убийства 1”). Внесение в список многих других убийств (“убийства 2”) отражает упадок законопорядка в 1990-х.

Российские медийные наблюдатели поэтому документировали все и каждую смерть. Как показывают их собственные данные, период полной безнаказанности миновал, если не во всей России, то в большей ее части. Проблема сейчас не в том, чтобы справиться с отсутствием правосудия, а в том, чтобы отправление правосудия было качественным. Это задача работы с судами,

адвокатами, прокурорами, а не как раньше только с милицией и следователями.

После смерти в Липецке областного корреспондента "Комсомольской правды" Валерия Кривошеева местная газета предостерегала читателей от поспешных выводов: "А пока – не надо упражняться в догадках, заказное ли это убийство, бытовое ли, случайное... К сожалению, в наши дни слишком часто бывает и то, и другое, и третье, мало кто чувствует себя в безопасности..." (13 сентября 1997 г.). Заключение (принятое не всеми) было таково, что смерть произошла в результате внезапно вспыхнувшей личной ссоры. Другой участник ссоры явился с повинной, но к судебной ответственности не привлекался.

Годом позже представитель милиции на пресс-конференции рассказал о ходе расследования гибели Анатолия Левина-Уткина, заместителя главного редактора нового еженедельника "Юридический Петербург сегодня", который был избит до смерти в подъезде своего дома 20 августа 1998 года. Расследование велось по двум версиям, сказал представитель милиции, первая, что нападение связано с работой жертвы; вторая версия – ограбление. "Вторая версия кажется мне наиболее вероятной. Большинство грабителей действуют именно так – заходят за своей жертвой в подъезд, бьют сзади по голове, отнимают деньги или сумки. Уже на следующий день после этого нападения в нашем же районе на Придорожной аллее, дом 5, было совершено похожее ограбление". Коллеги убитого с этим не согласились. Преступники забрали портфель Левина-Уткина с материалами к следующему выпуску газеты, его документы и проявленную фотопленку. Первый номер "Юридического Петербурга сегодня" вышел лишь три недели назад, и его статьи уже вызвали горячий отклик. В милиции сказали, что они не обнаружили связи с журналистской работой, но коллеги настаивали, говоря, что у 42-летнего редактора не было коммерческих интересов, и он не представлял собой явную мишень для случайных грабителей. Убийство до сих пор не раскрыто; медэксперт сообщил:

нападение было столь жестоким, что можно предположить, что били с намерением убить.

В третьем случае, в другой части России, были более конкретные опасения по поводу реакции правоохранительных органов. Известная томская радиожурналистка Лира Лобач, десять лет проработавшая на государственной телерадиокомпании города, пропала без вести 28 декабря 1997 года. За три недели до этого, после радиопередачи, в которой она разоблачала милицейского чиновника, избившего подростка, Лира получила несколько телефонных звонков с угрозами. Тело ее было найдено 6 апреля 1998 года. Полковник милиции присутствовал на похоронах, заметила газета, но явно был там неуместен, и (предположительно) в данных обстоятельствах его присутствие вряд ли приветствовалось. Оказалось, что это было разбойное ограбление. 23 сентября 1999 года приговорили к пожизненному заключению мужчину, убившего и ограбившего Лиру Лобач и еще пятерых женщин в Томской области и в Кыргызстане.

Больше ни один журналист, кроме них, не убит ни в Липецке, ни в Томске. Гибель Кривошеева и Леры Лобач вероятно не связана с выполняемой ими работой. Однако смерти эти произошли на фоне ужасающей волны насилия. Официальная статистика убийств впервые в СССР была обнародована в 1988 году, с указанием 16 тысяч убийств и покушений на убийство. В 2006 году в России (с населением вдвое меньше, чем в СССР) было зарегистрировано 27 тысяч убийств и покушений. Надо отметить, что в 2000 году в одной только Москве произошло столько убийств и попыток убийств, сколько во всем Соединенном Королевстве. Более того, в 90-х годах совершены убийства видных журналистов и других работников СМИ, потрясшие всю страну: например, Дмитрий Холодов (октябрь 1994), Владислав Листьев (март 1995). Так как 20 из 32 убийств в мирное время, зарегистрированных в период с апреля 1993 по декабрь 1996 гг., произошли либо в Москве, либо в Центральном федеральном

округе, они получили большое освещение в прессе и на телевидении. Ни за одно из этих убийств не удалось в то время никого привлечь к ответственности – первый обвинительный приговор вынесен в июле 1997. Так родилось широко распространённое подозрение, что каждое такое убийство может быть связано с работой убитого.

С учетом “политической, социальной и криминальной ситуации” в России не всегда возможно “установить четкую причину нападений на журналистов или их гибели”, – заявил Фонд защиты гласности. Это привело к тому, что Фонд принял другой подход, в отличие от зарубежных наблюдателей: в России “расследование убийств журналистов часто тянется годами или не всегда объективно”. Центр экстремальной журналистики так квалифицирует этот отклик на ситуацию: “мы вынуждены рассматривать любые попытки нападения на журналистов или попытки убийства как связанные с профессиональной деятельностью журналиста до тех пор, пока правоохранительные органы не докажут обратное”.

Российские медийные наблюдатели поэтому документировали все и каждую смерти. Как показывают их собственные данные, период полной безнаказанности миновал, если не во всей России, то в большей ее части. Проблема сейчас не в том, чтобы справляться с отсутствием правосудия, а в том, чтобы отправление правосудия было качественным. Это задача работы с судами, адвокатами, обвинителями, равно как с милицией и следователями.

1.4 Инцидент «не подтвержден» и пропавшие без вести

Остается еще две категории в базе данных. По 27 жертвам нельзя с определенностью сказать, был ли это несчастный случай, естественная смерть или убийство. За более чем 15 лет (с 1993 года) четырнадцать журналистов и других работников СМИ пропали без вести, так что характер происшедшего здесь еще менее ясен.

Две трети смертей, где тип инцидента “не подтвержден”, это такие смерти, которые известны повсюду. Они классифицированы как “почти наверняка не связанные с работой” (нЖ). В некоторых случаях, однако, сопутствующие обстоятельства вызывают большое подозрение, и тогда применяется классификация (?Ж): “нерасследованные смерти или результаты следствия вызывают сомнения”. Есть сомнения, например, по поводу гибели в 2007 году Ивана Сафронова: действительно он выпал из окна или был доведен до самоубийства? Авиакатастрофа 2003 года, в которой погиб Артем Боровик, расследовалась долго и безрезультатно. Во всех этих случаях явно нужны знания независимых экспертов, которым можно доверять.

Наблюдатели и правоохранительные органы, естественно, осторожны при оценке судьбы исчезнувших людей. На Северном Кавказе некоторые были похищены, но в конце концов вернулись к друзьям и родным. Во время “мирного отрезка” между двумя чеченскими кампаниями более 17 журналистов были похищены в Чечне с требованием выкупа. Другие не вернулись: например, за оператора Владимира Яцину потребовали выкуп, но дальше – ничего. По истечении пяти лет, в соответствии с практикой российской милиции, его признали умершим. То же относится ко всем, кроме трех, случаев исчезновения, приведенных в базе данных. Судьба одних известна с некоторой определенностью. Власти без особых колебаний заявили, что Владимир Кирсанов и Максим Максимов были убиты, хотя тела их до сих пор не обнаружены.

Шесть из пропавших без вести исчезли в Чечне, четыре – во время первой кампании. После того, как в марте 1995 года пропала связь с журналистом Максимом Шабалиным и фотографом Феликсом Титовым, приехавшими на Северный Кавказ, более восьми экспедиций было отправлено туда на их поиски. Почти наверняка их застрелили. До сих пор никаких следов Шабалина и Титова не обнаружено.

Безнаказанность и частичное правосудие

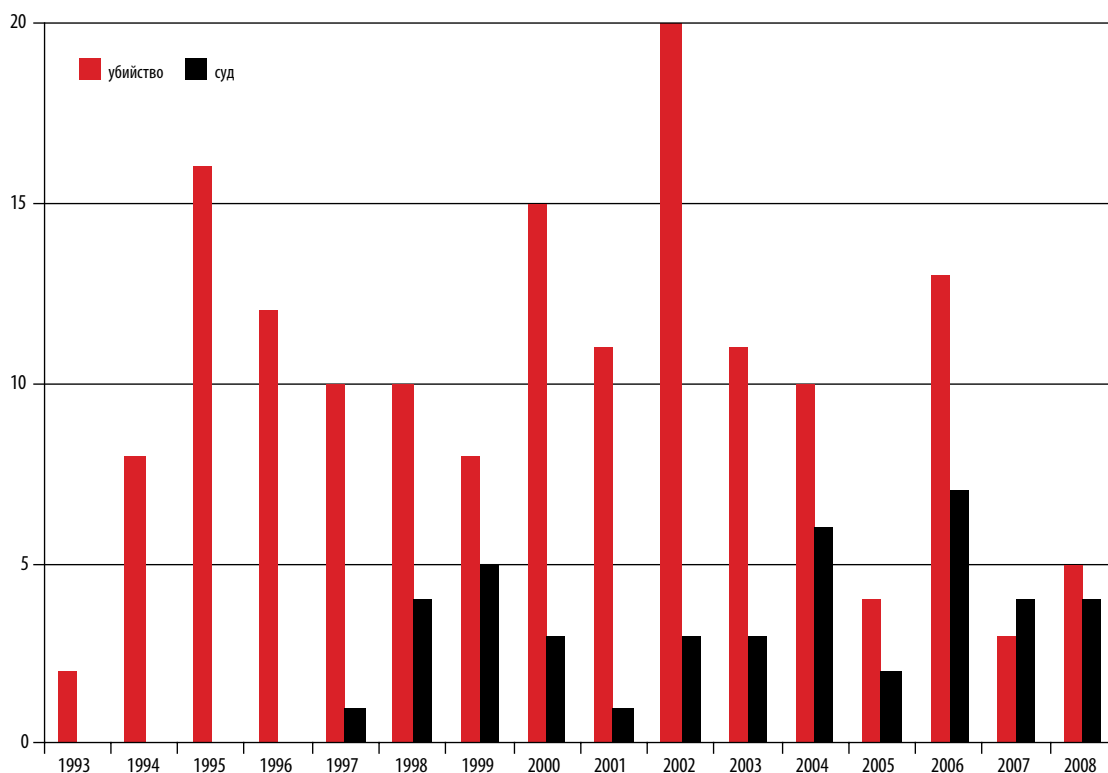
Лишь одно-единственное из 14 совершённых в 1995 году убийств мирного времени привело к осуждению виновного. После продолжительных усилий вдовы Александра Коноваленко офицер, нанесший ему смертельный удар в отделении милиции Волгограда, был приговорен за убийство и злоупотребление служебным положением. Рассмотрение двух последующих пиковых по числу убитых журналистов лет показывает отклонение от такой почти полной безнаказанности.

В наихудшем в этом отношении 2002 году было убито более 20 работников СМИ. Только одна смерть произошла в Москве. Если раньше наблюдатели не всегда умели охватить всю страну, это является признаком того, что так им удалось сейчас. В последующие два

года убийства пяти журналистов и других работников СМИ, случившиеся в 2002 году, привели к вынесению приговоров. Только два случая – убийства Валерия Иванова и Натальи Скрьель – наблюдатели напрямую связывают с работой, которую те выполняли как редактор и журналист. Пять смертей 2002 года были заказными убийствами руководителей теле- и радиокompаний, больше связанными с их коммерческой деятельностью, чем с содержанием передач. Как и многие из подобных убийств, эти не были раскрыты.

Тринадцать убийств работников средств массовой информации случилось в 2006 году, в год гибели Анны Политковской. В ответ на это к весне 2009 года состоялось девять судебных разбирательств. В 2007 году произошло только три убийства работников

ГРАФИК 2: Безнаказанные убийства в России, 1993-2008

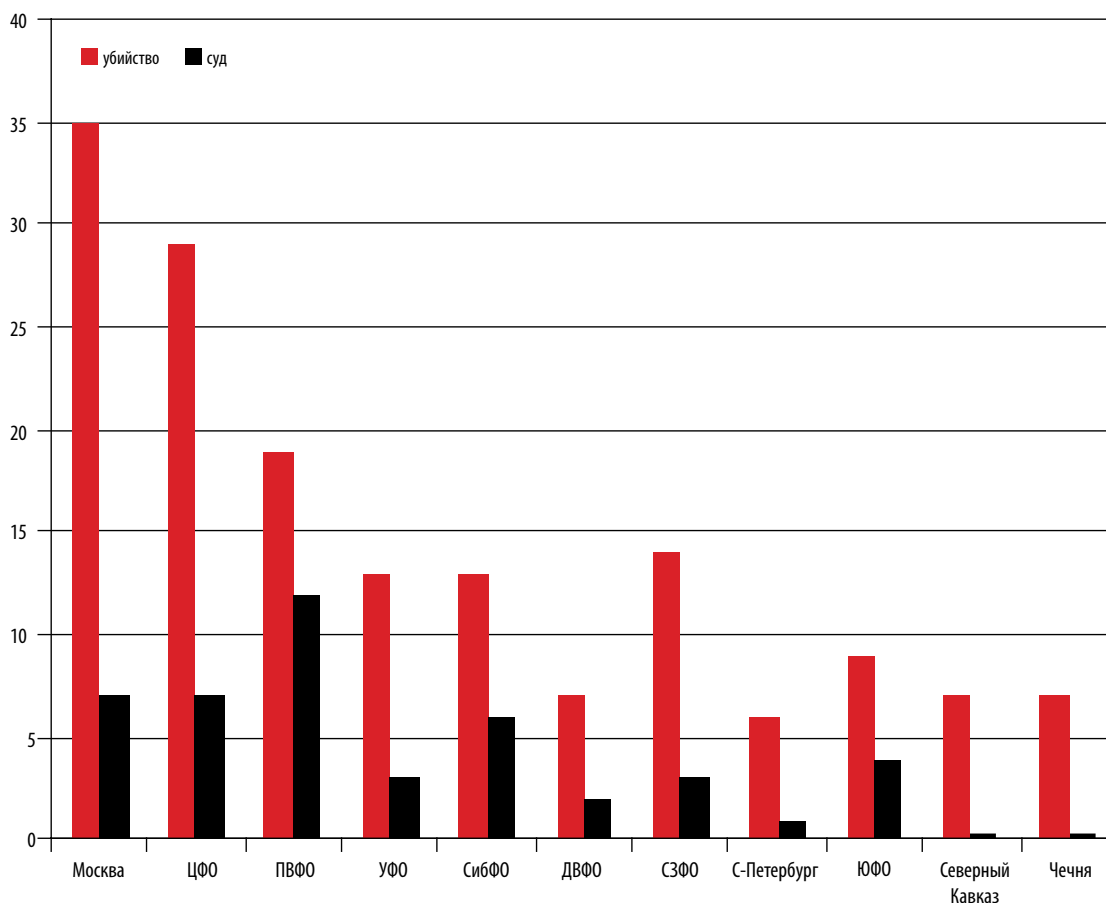
СМИ, наименьшее число с 1993 года, и все три привели к вынесению приговоров в 2007 и 2008 гг. Иными словами, полная безнаказанность, царившая до 1998 года, значительно снизилась. Общее число убийств тоже уменьшается. Однако, прежде чем анализировать, как это применимо к тем журналистам и редакторам, которые предположительно были убиты из-за их работы, необходимо себе представить еще одно важное измерение.

В стране есть три места, где с 1993 по 2007 годы ни один из убийц журналистов, независимо от мотива, не был привлечен к ответственности. Одно из таких мест – Чечня. Другое – остальные республики Северного Кавказа, где в 2008 году произошло 3 убийства работников СМИ из пяти по России. Третье – Санкт-Петербург: только в начале 2008 года впервые за 15 лет здесь предстал перед судом убийца журналиста. Это не дает увидеть степень изменений в других местах. Если исключить случаи смертей в этих зонах полной безнаказанности, то можно заметить, что

пропорция судебных преследований в делах по убийствам журналистов в период 2000—2009 гг. выросла с 1:5 до доброй половины всех случаев. Преобладание числа гибелей в Москве, медийной столице России, искажает картину. С 1993 по 2007 гг. 34 из задокументированных убийств произошло в Москве и еще 29 – в Центральном федеральном округе. Если рассматривать отдельно оставшиеся две трети смертей, случившихся вне этих границ, тогда часть судебных разбирательств достигает 70 процентов.

Это выглядит положительно на фоне общей статистики преступности. Российская милиция говорит, что сейчас раскрывается 88 % убийств и покушений на убийство. Такие заявления следует сравнить с реальным показателем по судебным преследованиям: по данным Верховного Суда он составляет 75 % убийств и покушений на убийство; это, однако, среднее для всей страны, а в больших городах процент раскрываемости преступлений милицией наверняка ниже, и не так много дел прокуратура отправляет в суд.

ГРАФИК 3: Безнаказанные убийства, 1993-2008, по регионам России

А журналисты, убитые из-за работы?

Вышесказанное относится к убийствам с различными мотивами. И все же это лишь кажущееся отклонение от главной темы – правосудия для журналистов, убитых за то, что они выполняли свою работу. С 1993 по 2008 годы произошло 35 убийств журналистов, по поводу которых наблюдатели считают, что они либо наверняка стали жертвами из-за работы, либо существует подозрение в этом. Четырнадцать из 35, однако, были убиты в Чечне, на Северном Кавказе и Санкт-Петербурге.

Из этих четырнадцати одни погибли более десяти лет назад, другие – в последние пять лет. Максима Максимова и Александра Питерского убили в Петербурге в 2004 и 2005 годах соответственно; с 2005 года четверо убиты в Дагестане и Ингушетии: Магомед Варисов, Гаджи Абашилов, Магомед Евлоев и Тельман Алишаев. Послужной список этих регионов до сих пор оставляет мало надежды на тщательное расследование этих случаев, не говоря уж о судебном преследовании подозреваемых в убийствах.

Что касается 21 журналиста и редактора, погибших в других частях Российской Федерации, шестеро были убиты до 1997 года. Подозреваемые предстали перед судом по обвинению в двух из этих убийств и в восьми других преступлениях, совершенных уже во время действия нового Уголовного кодекса РФ. В период 1998—2009 в результате судебных разбирательств пятеро были оправданы и пятеро осуждены.

Результат поразительный даже на таком уровне. Этот исход можно сравнить с завершёнными судебными разбирательствами по убийствам, где работа журналиста не рассматривалась как мотив для нападения или убийства. В этих случаях суд вынес 33 обвинительных приговора и лишь один оправдательный (подозреваемому в нападении на Вагифа Кочеткова). Другой критерий для сравнения – судебное разбирательство с судом присяжных, который в 1997 году был заново (но не повсеместно) введен в России для рассмотрения убийств и подобных тяжких преступлений. У суда присяжных значительно более высокий показатель оправданий, чем у обычного судейского состава из судьи и двух заседателей. И все же среднее составляет один к пяти, а не один к двум, как здесь; лишь два случая, заметим, из перечисленных (Хлебников и Политковская) были представлены перед судом присяжных.

Более того, из вышеупомянутых десяти вердиктов вероятно только два были полным проявлением правосудия по отношению к жертве. Признаны виновными милиционер, убивший Александра Коноваленко, и руководители преступной группировки, отдавшие приказ убить Сергея Иванова. В остальных случаях либо никто не был осужден, либо было достигнуто некое частичное правосудие, когда непосредственные исполнители получили приговор, а те, кто организовал убийства, остались в неприкосновенности. И все же это, вероятно, лучше, чем совсем никакого судебного разбирательства, как показано в трех из приводимых ниже расследований конкретных дел, а также в случаях гибели Сергея Новикова, Натальи Скрыль, Юрия Щекочихина и Владимира Притчина.

Можно делать разные предположения о таких итогах судебных разбирательств. Например, вмешательство и внешнее давление на процесс расследования и дальнейшее судебное разбирательство. Иногда оно может осуществляться с лучшими намерениями, как видно из первого дела аналитического расследования. В других случаях это может служить объяснением, почему не привлекли к ответственности тех, кто стоит за убийством. Наверное, возможно, что адвокаты обвиняемых более эффективны в защите своих подопечных. Судьи могут требовать более строгого подхода к доказательствам. Вероятно, каждое судебное разбирательство отличается одно от другого и включает разное сочетание этих элементов. Очевидно, пора юристам обобщать имеющийся опыт судебных разбирательств такой природы и делать соответствующие выводы.

Одно ясно: на фоне снижения безнаказанности за совершение бытовых преступлений становится все более очевидным, как неадекватна судебная система в деле защиты журналистов, подвергающихся нападениям не как простые граждане – в бурных ссорах или во время ограбления, – но за то, что они делают свою работу.

ДЕСЯТЬ ГИБЕЛЕЙ И СУДЕБНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВ

Александр Коноваленко (Волгоград, 1995)
Осуждение в 1998.

Лариса Юдина (Элиста, 1998)
Осуждение в 1999.

Дмитрий Холодов (Москва, 1994)
Оправдание в 2002.

Сергей Иванов (Тольятти, 2000)
Осуждение в 2003 (Самара).

Алексей Сидоров (Тольятти, 2003)
Оправдание в 2004.

Пол Хлебников (Москва, 2004)
Оправдание в 2006.

Игорь Домников (Москва, 2000)
Осуждение в 2007 (Казань).

Илья Зимин (Москва, 2006)
Оправдание в 2007 (Молдова).

Ильяс Шурпаев (Москва, 2008)
Осуждение в 2008 (Таджикистан).

Анна Политковская (Москва, 2006)
Оправдание в 2009.

Аналитические расследования

Для более подробного рассмотрения реакции различных официальных организаций на убийства журналистов в России были выбраны шесть случаев гибели журналистов и редакторов. Эти дела были изучены ФЗГ и ЦЭЖ в формате, разработанном в 2007 году (см. Приложение 1). Обстоятельства каждой смерти различны, однако разительный контраст, возможно, заметен при сравнении трех случаев, которые привели к судебным разбирательствам, и трех, в которых дело не продвинулось далее стадии расследования.

Пострадавшая сторона (жертвы преступления) и ее представители получают право полного доступа к материалам дела после того, как расследование завершено

и дело передано в суд. Новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ, вступивший в силу 1 июля 2002 года, прописывает это более четко. До недавнего времени, однако, большинство внесенных в базу данных убийств не дошли до суда. В таких случаях от следователя зависит, получит ли жертва (или ее представители) доступ к материалам расследования и если да, то до какой степени.

При рассмотрении этих шести смертей в более широком контексте оказалось, как ни парадоксально, более информативным работать в обратном хронологическом порядке, от позднейшего (и наиболее неопределенного) из шести случаев до гибели Дмитрия Холодова, которая до сих пор омрачает обсуждения безнаказанных убийств в России.

Вагиф Кочетков

На Вагифа Кочеткова было совершено нападение в Туле, поздно ночью во вторник, 27 декабря 2005 года. Около двух часов ночи в среду его нашли соседи и принесли в квартиру, где он жил вместе с родителями. Лишь 30 декабря ему поставили диагноз “черепно-мозговая травма” и забрали в больницу. Пятого января 2006 года Кочеткова перевели в реанимационное отделение, сделали операцию, но через три дня он скончался.

Журналисты других газет и медийные наблюдатели уже тогда высказывали подозрение, что причинами нападения на Кочеткова могли быть его журналистские расследования и публикации. Московский еженедельник “Аргументы недели” посмертно опубликовал 23 ноября 2006 года статью Вагифа Кочеткова о злоупотреблениях в сфере распределения льготных лекарств малоимущим. В предисловии к ней высказывалось предположение, что “известного российского журналиста Вагифа Кочеткова”

могли убить за расследование им этой темы. В феврале 2007 года в Музее новостей в Вашингтоне его имя вместе с именем Анны Политковской занесено в список журналистов, погибших из-за своей работы.

Изначально, однако, были сомнения в мотивах нападения, сильно напоминающего бытовые преступления, которыми страдает Россия. Как заявили местным журналистам в январе 2006 года милицейские власти Тулы, только в первые три дня этого месяца ими зарегистрировано более пятидесяти таких нападений.

Исходные данные

Вагиф Кочетков начал журналистскую деятельность в 1993 году, когда поступил на работу в ГТРК “Тула”. Он печатался в вечерней газете, занимался местными политическими проблемами и до момента смерти оставался политическим комментатором тульской областной газеты “Молодой коммунар”. Заместителем главного редактора в ней был его друг Александр Ермаков. В это же время Кочетков завязал связи с некоторыми всероссийскими периодическими изданиями.

Он работал местным корреспондентом газеты “Новые известия” и еженедельника “Российские вести”; иногда, видимо, писал для газеты “Труд”. Однако штатным корреспондентом “Труда” по Тульской, Рязанской и Калужской областям Кочетков стал лишь в сентябре 2005 года.

В первые дни после нападения Кочетков был в сознании и разговаривал со своими коллегами Александром Ермаковым и Еленой Шулеповой, корреспондентом Агентства национальных новостей в Туле. Он не видел нападавших и не помнил, что произошло, однако заявил, что обязательно с этим разберется, когда выйдет из больницы.

Версии

Когда Кочеткова нашли соседи, его сумки и мобильного телефона с ним уже не было. Это говорит в пользу предположения, что целью нападения было ограбление, но также придает вескость рассказу отца Вагифа, что его сын отправился на встречу с кем-то по поводу проводимого им расследования, а документы, которые журналист взял с собой, тоже исчезли.

Смерть Кочеткова, работавшего во всероссийском издании, вызвала широкий резонанс, но “Труд” мог о нем сказать сравнительно мало. Иное дело – Ермаков и Шулепова. Независимо друг от друга они читали все публикации Кочеткова за последние полгода–год и пришли к выводу, что в них нет ничего, что могло бы объяснить или оправдать такое нападение. Даже в посмертной статье о злоупотреблениях со льготными лекарствами не было ничего, не опубликованного им ранее. Источники заявлений в других российских изданиях о том, что Кочетков стал жертвой нападения из-за своей работы, можно проследить до утверждения его отца, или до высказываний авторов, которые не были по-настоящему знакомы с его публикациями.

БЫТОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

Избиения или удары по голове вызвали смерть половины журналистов и редакторов, убитых в период с 1993 года. Ко времени нападения на Вагифа Кочеткова в декабре 2005 года для медийных наблюдателей и журналистов стало привычным начинать с вопроса: связана ли смерть коллеги с выполняемой ими работой? Правоохранительные органы в этот же период ежегодно сталкивались с десятками тысяч нападений и смертей в подобных ситуациях. Они склонны рассматривать такие нападения на журналистов как часть бытовой преступности, удручающе широко распространенного в российском обществе явления.

В некоторых случаях мотивы ясны и признаны всеми. Очевиден случай зверского убийства Ларисы Юдиной в Калмыкии 7 июня 1998 года. Когда в июле 2000 года в московской больнице умер Игорь Домников из “Новой газеты”, одна из газет написала: “Убивали именно журналиста, а не просто гражданина” (“Новые известия”, 18 июля 2000). Следователи к этому времени также пришли к выводу, что это умышленное убийство, связанное с его работой. Другие случаи не столь однозначны. Возможно, еще восемь из 56 подобных смертей вызывают подозрение, что нападение, которое выглядит как очередное бытовое преступление (ограбление или бурная ссора), может быть просто замаскированной попыткой запугать, наказать или устранить “неудобного” редактора или репортера.

Как и жертвы среди остального населения, журналисты, подвергшиеся таким нападениям, были обычно атакованы или найдены в подъездах, на улицах либо в своих квартирах. Лишь при рассмотрении обстоятельств каждого случая: занимался ли журналист или редактор расследованием, угрожали ли ему (или ей), были ли нападения ранее – наблюдатели, прокуратура и милиция могут установить вероятные причины нападений.

Официальная оценка мотива таких нападений предусмотрена статьей Уголовного Кодекса, которую вменяет прокуратура при открытии уголовного дела. В случае Домникова и Юдиной это несомненно было убийство, статья 105 (умышленное причинение смерти другому человеку). После того, как Вагиф Кочетков умер, преступление было квалифицировано по части 4 статьи 111: “Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего”; такое обвинение и было предъявлено Яну Стаханову в суде. По мнению независимых медэкспертов, Кочетков остался бы жив, если бы операция была проведена раньше.

С 1997 года двадцать четыре таких убийства журналистов и других работников СМИ были рассмотрены в суде. Более того, число дел, достигших суда, значительно выросло. За период с января 2004 по декабрь 2007 из 11 нападений со смертельным исходом восемь были завершены судебным разбирательством. Проводивший данное исследование эксперт ЦЭЖ Сергей Плотников предлагает, чтобы тульские и другие журналисты совместно добивались тщательного проведения расследования гибели Вагифа Кочеткова. Каковы ни были мотивы нападения, это – тяжкое преступление против личности, за которое предусмотрено наказание до 15 лет лишения свободы.

Сначала милиция квалифицировала случившееся как грабеж (статья 161). После смерти Кочеткова было заведено уголовное дело по статье 111, ч.4 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего); теперь дело под контроль взяли следователи местной прокуратуры. Скоро удалось отследить местонахождение мобильного телефона Кочеткова, и через две недели был арестован Ян Стаханов, ранее судимый житель Тулы. Третьего апреля 2006 он предстал перед районным судом города, и ему было предъявлено обвинение по статьям 111, ч. 4 и 162, ч.4 (разбой).

Следствие и суд

Следствие было проведено быстро. Последующее судебное разбирательство продолжалось с перерывами до апреля 2008 года. Стаханову вынесен оправдательный приговор.

Начальник Управления уголовного розыска Тульской области сказал, что по имеющейся у следователей информации, равно как и по поддающимся проверке предположениям коллег Кочеткова, нет оснований считать, что нападение на журналиста произошло из-за его работы. Прокуратура также не рассматривала такой возможности. Елена Шулепова хоть и высказывала сомнения насчет связи нападения с работой Кочеткова, однако была весьма скептически настроена по поводу идентификации преступника.

Убийство Вагифа Кочеткова было первым такого рода в Тульской области; фактически первая с конца 1990-х смерть журналиста или редактора в этой и соседних областях (кроме Московской). На местные правоохранительные органы поэтому оказывалось давление с целью получения результата. Начальник Управления внутренних дел Рожков, лично знакомый с Кочетковым, взял дело под контроль. Последствия этого оцениваются неоднозначно. Елена Шулепова, которая писала на темы преступности и закона, считала, что сначала милиция, а затем и прокуратура действовали неоправданно поспешно. Не было проведено тщательного расследования, а просто арестован первый подходящий подозреваемый. Она придерживалась именно такого мнения о следствии. Позже, однако, она убедилась, что Стаханов действительно является преступником, так как он выдал информацию, которую мог знать лишь человек, сразу после нападения

Независимо друг от друга Ермаков и Шулепова читали все публикации Кочеткова за последние полгода—год и пришли к выводу, что в них нет ничего, что могло бы объяснить или оправдать такое нападение. Даже в посмертной статье о злоупотреблениях со льготными лекарствами не было ничего, не опубликованного им ранее.

забравший сумку Кочеткова и рассмотревший ее содержимое. (Когда во время суда была найдена эта сумка, подтвердилось то, что Стаханов говорил при первом допросе: там было журналистское удостоверение с обложкой синего цвета. Незадолго до этого “Труд” поменял служебные удостоверения своих сотрудников, и очень немногие, кроме работников газеты, знали об этом.)

Отец Вагифа Юрий Байков решил сам представлять на суде интересы потерпевшей стороны. Он и его жена считают, что их сын подвергся нападению из-за своей работы. Сейчас они почти одиноки в этом убеждении. Байков утверждает, что недостатки следствия являются результатом намеренного внешнего давления, а не поспешности или низкого профессионального

уровня следователей. Один из прокуроров позднее указал на “странности” в работе оперативников и нестыковки в их материалах. Бывший прокурор, а ныне консультант Центра экстремальной журналистики Михаил Мильман сказал, что дело было плохо подготовлено, и он бы не отправил его в суд в таком состоянии: судье не оставалось иного выбора, как вынести оправдательный приговор.

В январе 2007 года дело было возвращено в прокуратуру на доследование. Составлено новое обвинительное заключение, которое утверждено только 28 апреля 2007 г., суд возобновился. Слушания продолжались в режиме одно заседание в неделю до 7 апреля 2008 года, когда Яну Стаханову вынесли оправдательный приговор по всем пунктам обвинения.

Валерий Иванов и Алексей Сидоров

Валерий Иванов, главный редактор “Тольяттинского обозрения” был застрелен около 23 часов 29 апреля 2002 года в своей машине. К машине, стоящей возле его дома, подошел человек и постучал в окно водителя. Когда Иванов опустил стекло, чтобы узнать, чего тот хочет, убийца выстрелил в упор шесть раз. Нет сомнения в том, что это заказное убийство. У официального следствия и коллег журналиста имеются сильные подозрения насчет того, кто мог заказать и заплатить за убийство Иванова. Через полтора года был зарезан друг Иванова и его преемник в “Тольяттинском обозрении” Алексей Сидоров.

Тольятти вместе с Москвой и некоторыми другими российскими городами уже приобрел сомнительную репутацию места, где работники средств массовой информации регулярно становятся мишенями таких убийств. По крайней мере четверо других редакторов и директоров

местного телевидения и прессы уже погибли в автомобилестроительном городе на Волге.

Первым стал Андрей Уланов (1995), затем Николай Лапин (1997), вскоре один за другим – генеральный директор компании “Лада-ТВ” Сергей Иванов и ее главный редактор Сергей

Логинов в сентябре и октябре 2000 г. После первой смерти возникло предположение, что, распределив сферы влияния в промышленности, полукриминальный бизнес обратил свое внимание на средства массовой информации. Ко времени убийства Валерия Иванова и Алексея Сидорова уже говорили о “Тольяттинском синдроме”, распространяющемся по всей стране, в котором интересы бизнеса и СМИ неразрывно связаны.

Однако только четыре из шести смертей представляются неоспоримо заказными убийствами, и мотивы для каждого, когда их можно установить, различны.

Валерий Иванов сам создал “Тольяттинское обозрение” в 1996 году. Финансирование предоставил его друг, бизнесмен Геннадий Шкавров. Вопреки распространенному мнению, Иванову принадлежал лишь 1 % акций газеты. С самого начала Алексей Сидоров активно помогал в работе, а его отец, профессор Политехнического института, способствовал аренде первого помещения для офиса. Вскоре

газета, которая тогда выходила 2-3 раза в неделю, стала популярной, и сотрудники смогли переехать в собственный офис в центре города.

Одной из причин успеха “Обозрения” было то, что газета стала первым изданием в Тольятти, публикующим материалы о серьезных проблемах города и области, связанных с бытовой и организованной

преступностью. В постоянном отделе газеты писалось о криминальном мире города и о борьбе правоохранительных органов с преступниками; скоро это стало основной тематикой издания, ей выделялось несколько полос, включая первую.

Данные о тираже “Тольяттинского обозрения” различны: официальная цифра – 10 тысяч, а сама редакция говорит о 30 тысячах. Когда газета стала ежедневной, Сидоров назвал тираж в 6 тысяч экземпляров, а тираж ее еженедельного издания составлял 21,5 тысяч. Как бы там ни было, “Обозрение” стало чрезвычайно популярным в Тольятти с населением в 700 тысяч и в Самарской области. Оно было по-настоящему независимым, критиковало областную администрацию и законодательное собрание; оно не контролировалось ни одной из преступных группировок города.

Иванов вернулся в Тольятти в начале 1990-х и сначала работал в других газетах. Созданное им “Тольяттинское обозрение” принесло ему известность и позволило сделать успешную политическую карьеру. За два года до убийства он был избран членом городской Думы

Версии

В том, что убийство было заказным, согласны все. Существуют лишь различия в интерпретациях причин устранения Иванова.

Заместитель начальника уголовного розыска города Юрий Куленкович говорит, что заказали и оплатили убийство Валерия Иванова местные криминальные авторитеты из-за конфликтных отношений с главным редактором “Тольяттинского обозрения”. Им не понравилась серия публикаций о “Чеченской” преступной группировке, которую они контролировали в Тольятти. Отказавшись взять деньги за прекращение публикаций, Иванов стал получать угрозы.

Их пути пересеклись снова, когда Иванов, уже член Думы, стал настаивать на открытом тендере на поставку горюче-смазочных материалов в город и добился более выгодных условий. Это привело к падению завышенных “чеченцами” цен на ГСМ. Друзья Иванова из правоохранительных органов предупредили его, что он становится мишенью.

Коллеги журналиста также поддерживают эти два предположения, которые широко обсуждались в “Тольяттинском обозрении”. Третья версия выдвинута местными журналистами, будто за убийством Валерия Иванова стоит местный лидер “Единой России” Владимир Кожухов. Вдова Иванова Елена настаивает больше на политическом мотиве убийства: она была против того, чтобы муж шел в Думу, но у него было большое политическое

будущее, и она не смогла разубедить его. О его работе в газете Елена знала мало.

После смерти Валерия она осталась жить в той же квартире с дочерью. Коллеги, приходившие выразить соболезнование, были поражены скромностью обстановки. По словам Елены, у семьи никогда не было больших денег.

Расследование

Прокуратурой 30 апреля 2002 года возбуждено уголовное дело по части 2 статьи 105 УК РФ, п. “з” (“Убийство, совершенное из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом”). Официальные лица правоохранительных органов и прокуратуры в первые же недели расследования сообщали публично, что это было заказное убийство, связанное с профессиональной деятельностью журналиста Валерия Иванова. Тогда же и позже они неоднократно заявляли, что им известны заказчики и исполнители убийства.

Однако позже следствие было приостановлено “в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого” (п.1, ч.1 статьи 208 УПК РФ). Почти три года спустя, 10 марта 2005 г., дело было возобновлено со сроком следствия один месяц, который был затем продлен до августа. Потом следствие было опять приостановлено. Были известны два основных подозреваемых – Игорь Сиротенко и Сулейман Ахмадов, давно прозванные “чеченцами”, – но они покинули

Тольятти вскоре после убийства. В настоящее время милиция признает, что так как оба предполагаемых участника преступления – организатор и исполнитель – уже мертвы, доказательств для привлечения кого-либо к ответственности недостаточно.

Трудно судить о качестве следствия, потому что обширные материалы дела до сих пор недоступны, даже для вдовы Валерия Елены и ее адвоката Карена Нерсисяна.

“Коллеги убитого журналиста не скрывали своих сомнений в эффективности расследования, – писала газета “Самарское обозрение” (19.06.2003). – У Иванова были очень натянутые отношения с руководством тольяттинского УВД. Глава Автозаводского РУВД, на территории которого был убит Иванов, Александр Черноиванов неоднократно судился с “ТО” и не скрывал негативного отношения к его редактору. К тому же у оперативников РУВД практически отсутствовал опыт раскрытия заказных убийств.

Назначенная городской администрацией награда в 1 млн. рублей за раскрытие преступления, а также взятие его на личный контроль Генеральным прокурором РФ Владимиром Устиновым делу не помогли. Следственную группу, работавшую по делу Иванова, сократили в несколько раз. За год у нее сменилось три руководителя.”

В ходе следствия допрошены многие местные политики, бизнесмены, а также лидеры и члены различных преступных группировок. Проведена даже эксгумация и экспертиза тела человека, подозреваемого в убийстве Иванова. Неизвестно, однако, были ли допрошены Сиротенко и Ахмадов. Мы не знаем, допрашивали ли по делу об убийстве Валерия Иванова мэра Тольятти Уткина (его реакция была странной, он даже не выразил соболезнования) и его заместителей, а также представителей фирм, поставляющих городу горюче-смазочные материалы.

В настоящее время дела об убийствах Валерия Иванова и его преемника Алексея Сидорова находятся в ведении следователя Андрея Осипова. Он работает под управлением нового Следственного комитета при Генеральной прокуратуре. Следователь, ссылаясь на “тайну следствия”, отказался разговаривать с журналисткой Еленой Милашиной, которая вновь расследовала эти два дела для Фонда защиты гласности.

Другая гипотеза

В 2005 году в Москве вышла книга с сенсационными заявлениями о связи между убийством Валерия Иванова, главного редактора “Тольяттинского обозрения”, и двумя смертями за два года до этого руководителей телекомпании “Лада-ТВ”.

В соответствии с версией Руслана Горезова, изложенной в книге “Дело № 13”, Валерий Иванов боролся за контроль над “Ладой-ТВ” и использовал свое положение в городской Думе, чтобы получить контрольный пакет акций компании, которая ожидала продления лицензии на вещание. Это объясняло убийство Сергея Иванова и загадочную смерть Сергея Логинова, ключевых сотрудников телекомпании. К тому же это давало еще один мотив для убийства Валерия Иванова, так как его заинтересованность в “Ладе-ТВ” вызвала бы конфликт с основным акционером Георгием Лиманским, мэром Самары.

При рассмотрении этой гипотезы выяснилось, что у нее нет оснований. Валерий Иванов был в хороших отношениях с генеральным директором “Лады-ТВ” Сергеем Ивановым. Они достигли соглашения о еженедельной трансляции программы, подготовленной “Тольяттинским обозрением”, что поможет популяризации газеты. В этом заключался весь интерес Валерия Иванова к местному телевидению. Бывший генеральный директор и главный редактор “Лады-ТВ” Евгений Рабинович, проработавший в компании с 2001 года вплоть до ее продажи “Автовазу” в 2008 году, сказал, что Валерий, вполне возможно, получил право на бесплатное вещание.

Коллеги, хорошо знавшие Валерия Иванова, сообщили, что он никогда не использовал ненадлежащим образом информацию, добытую во время расследований (прозвучало предположение, что он получал деньги от тех, о ком собирался писать). Что касается других деловых интересов, то незадолго до смерти он создал несколько побочных фирм: получил лицензию на дилерскую продажу машин “Автоваза” и лицензию на организацию туристической фирмы. Прибыль от работы этих предприятий он хотел использовать для финансирования газеты. Ко времени его смерти, однако, сообщила его вдова Елена, ни одной машины продано не было.

Алексей Сидоров

9 октября 2003 года главный редактор «Тольяттинского обозрения» Алексей Сидоров вышел из редакции в центре города около 9 часов вечера. Приехав к дому, припарковал машину в нескольких кварталах от своей квартиры. Когда он подошел к углу своего дома, на него напали и нанесли несколько ударов колющим оружием. Ему удалось добраться до своего подъезда и позвать на помощь. Скорая помощь, однако, прибыла лишь через сорок минут; к этому времени Сидоров скончался.

После убийства Валерия Иванова Алексей Сидоров в мае 2002 занял пост главного редактора газеты. Это назначение не всем понравилось, и некоторые сотрудники ушли в конкурирующее издание. «Тольяттинское обозрение» потеряло остроту, выходило реже, в нем стало меньше громких разоблачений. Тираж снизился, газета испытывала финансовые трудности, ходили разговоры о продаже ее новому владельцу. Сидоров,

бывший ведущий корреспондент «Обозрения», теперь сосредоточился на управлении газетой, определяя для журналистов темы, о которых им надо писать

Версии

Официальная версия была обнародована через три дня после смерти Сидорова. Прокуратура заявила, что это было обычное бытовое преступление, и вскоре был найден подозреваемый. Молодой ранее не судимый сосед Сидорова Евгений Майнингер признался в том, что вечером столкнулся с редактором, поссорился с ним и ударил заточкой.

У родственники и коллеги Сидорова имеют другую точку зрения. Они считают его смерть вторым заказным убийством, связанным с профессиональной деятельностью журналиста, но конкретных причин называют мало. Когда был убит Валерий Иванов, было выдвинуто много убедительных аргументов. В случае с Сидоровым ни родные, ни коллеги не пошли дальше предположений, что целью было закрытие «Тольяттинского обозрения».

Алексей Сидоров, в отличие от своего предшественника, не был таким скрытным: сотрудники газеты знали о предстоящих публикациях Сидорова и часто являлись его соавторами. Одним из последних проектов главного редактора было расследование о переделе между милиционерами и местной преступной группой собственности умершего криминального авторитета. Журналист «Обозревателя», работавший вместе с Сидоровым по этой теме, не получал никаких

угроз и не знал, имелись ли у Сидорова фактические материалы.

Маловероятно, что организовали нападение на Сидорова те же самые криминальные воротилы, которые заказали убийство Валерия Иванова. В публикациях об убийстве своего предшественника Алексей Сидоров поддерживал точку зрения, что основной причиной убийства стал открытый тендер на поставку GSM городу, и получал информацию от правоохранительных органов, проводящих расследование.

Следователи на местном и областном уровнях, тем не менее, поначалу не исключали возможности заказного убийства. Также не ставили они себе задачи раскрыть преступление в рекордные сроки. Давление оказывалось сверху.

Следствие

Местной прокуратурой 9 октября 2003 года заведено уголовное дело по части 1 статьи 105 УК РФ. Скоро обвинение стало более конкретным, а именно: «умышленное причинение смерти по мотиву личной неприязни в ходе внезапно возникшей бытовой ссоры».

Заместитель прокурора Самарской области тем не менее создал большую следственную группу из числа сотрудников прокуратуры, которой были приданы 22 оперативника как на местном, так и на областном уровне, включая

Заказные убийства

Многие убийства были несомненно умышленными и целенаправленными. Например, с 1993 года в России медийными наблюдателями зарегистрировано более сорока случаев использования огнестрельного оружия для нападения на работников СМИ в мирное время. Это не является преобладающей формой убийства журналистов. Однако подавляющее большинство руководителей газет, радио, телевидения и интернет-агентств, убитых в этот период, умерли от огнестрельных ран. Они погибли в обстоятельствах, типичных для заказных убийств, которые в середине 1990-х ежегодно уносили жизни сотен новых российских бизнесменов.

Шестнадцать случаев убийств администраторов и менеджеров средств массовой информации считаются заказными убийствами, выполненными нанятыми преступниками. Большинство связывают гибель таких руководителей (иногда владельцев) издательств, радиостанций или телекомпаний с их политической либо (чаще) коммерческой и деловой сторонами управляемых ими СМИ. Лишь в трех, неясных пока, случаях предполагается связь скорее с содержанием программ, чем с финансовыми аспектами: Гаджи Абашиллов в 2008 году, Сергей Новиков и, хотя это оспаривается, Сергей Иванов (оба застрелены в 2000 году).

Главные редакторы, особенно новых печатных изданий, как Валерий Иванов и Алексей Сидоров, занимали промежуточное положение между администраторами СМИ и журналистами. Из 22 убитых главных редакторов семеро были застрелены, десять умерли после избиений или ударов по голове, трое были зарезаны. Правоохранительные органы, медийные наблюдатели и журналисты рассматривали как журналистскую деятельность погибших, так и их возможные коммерческие интересы. Наблюдатели сделали вывод, что мотив почти половины этих смертей был вероятно или наверняка связан с конфликтами, вызванными содержанием и редакторской позицией изданий (либо, в одном случае, веб-страницы).

За весь прошедший период из 41 случая применения огнестрельного оружия восемь дошли до стадии судебного разбирательства. Следует еще раз подчеркнуть, что уровень и характер безнаказанности за последние пять лет заметно изменился. Из восьми случаев убийств с применением огнестрельного оружия за период с 1 января 2004 до 31 декабря 2007 года шесть дошли до суда. Из оставшихся двух одно — убийство Магомеда Варисова в Дагестане в 2005; уже было

отмечено, что для журналистов, погибших на Северном Кавказе за последние 15 лет, правосудия вроде бы и не существует.

Три недавних судебных разбирательства были посвящены очевидным заказным убийствам. Вместе с пятью предыдущими процессами (по убийствам Дмитрия Холодова, Ларисы Юдиной, Любови Лободы, Игоря Домникова и Владимира Сухомлина) дела Сергея Иванова, Пола Хлебникова и Анны Политковской в полной мере представляют попытки российской судебной системы всерьез взяться за профессиональные убийства журналистов, редакторов и руководителей СМИ. Арест и осуждение лиц, связанных с убийством Сергея Иванова, генерального директора компании «Лада-ТВ» в Тольятти, напоминают процесс над убийцами Игоря Домникова в 2007 году.

В обоих случаях перед судом предстали все члены преступных группировок, от вожака до рядового, которым предъявили длинный список обвинений. Убийства Иванова и Домникова были лишь одними из целого ряда совершенных ими преступлений. Те, кто в 2000 году застрелил Иванова, уже сами умерли, заявили представители правоохранительных органов, но остальные члены волжской банды предстали перед судом и в 2003 г. приговорены за участие в этом и других преступлениях. В соответствии с официальной версией, среди осужденных были и те, кто заказал устранение Иванова за то, что тот, якобы, присоединился к соперничающей группировке в сфере коммерческих интересов. Аналогично, убийцы Домникова сначала были арестованы за другие преступления, а затем были обвинены в его убийстве наряду с еще 20 убийствами и покушениями на убийство. Разница между этими двумя случаями — и существенная — в том, что члены банды из Набережных Челнов в Татарстане действовали не по собственному почину, а были наняты для нападения на московского журналиста.

В 2006 году правоохранительные органы страны признали то, что в среднем они раскрыли лишь 10 % заказных убийств (по сравнению с 83 % обычных убийств). Результаты этих восьми судебных разбирательств показывают, что эти дела о целенаправленных убийствах журналистов следователи провели особенно неудачно. Убийцы Юдиной, Сухомлина и Домникова осуждены. Те, кто предположительно причастен к организации убийств Холодова, Хлебникова и Политковской, оправданы, но ни в одном случае перед судом не предстали заказчики этих шести преступлений.

Только однажды все, ответственные за заказное убийство в СМИ, были официально установлены и привлечены к ответственности. В конце октября 1999 года исполнитель, посредник, а также человек, ранее заказавший убийство Любови Лободы в Куйбышеве (Новосибирская область) и заплативший за него, были осуждены и заключены в тюрьму.

полковника милиции Ефремова, начальника Управления уголовного розыска ГУВД Самарской области. Создание такой мощной команды для расследования бытового убийства официально объяснялось “сложностью и большим объемом предстоящих следственных действий”. Отец Сидорова позже выскажет мнение, что основная работа, тем не менее, была выполнена местной прокуратурой, несмотря на то, что в группе формально были заняты “лучшие следователи” и заместитель генерального прокурора РФ В. Колесников.

Подозреваемый в убийстве был задержан после того, как были допрошены семь свидетелей преступления. Могут возникнуть сомнения по поводу тщательности и добросовестности обработки этих показаний. Однако к этому моменту В. Колесников объявил, что преступление раскрыто.

После трех дней содержания в милицейской камере Майнингер сознался в совершении преступления в присутствии назначенного адвоката. Позже подозреваемый заявил, что его вынудили к признанию и отказался от своих показаний. Вряд ли приходится сомневаться в том, что его избивали во время допросов, да и основное доказательство его вины является косвенным. Майнингер, работающий в металлообрабатывающем цехе завода “Куйбышевазот”, в присутствии следователей изготовил копию предполагаемого орудия убийства, однако использованная при убийстве заточка так и не была обнаружена, равно как и окровавленная одежда и отпечатки пальцев.

Сидоров получил 11 колотых ранений, но ни одно из них само по себе не было смертельным. Журналист мог бы выжить, получи он вовремя медицинскую помощь. Это говорит в пользу бытового, непрофессионального по характеру преступления.

Суд

Судебные слушания по делу начались 8 июня 2004 года. Активное участие Фонда защиты

гласности и Русского Пен-Центра, нанявших адвокатов Карена Нерсисяна и Тамару Кучму для защиты Майнингера, привело к тому, что суд стал беспрецедентным в своей открытости. Отец Алексея Владимир Сидоров, как представитель потерпевшей стороны имевший доступ к материалам следствия, тоже играл активную роль.

В результате были вскрыты многочисленные нарушения Уголовно-процессуального кодекса, допущенные оперативниками и следователями прокуратуры во время сбора доказательств. В ходе судебного разбирательства стало известно, что Майнингер связан с организованной преступностью, и некоторые наблюдатели, например, журналист Сергей Давыдов из “Тольяттинского обозрения”, писавший об убийствах Иванова и Сидорова, убеждены, что обвиняемый-таки является убийцей и мог быть нанят для убийства Алексея Сидорова.

Обвинению не удалось убедить судей, и 11 октября 2004 года Евгений Майнингер был оправдан судебной коллегией “за непричастностью к убийству Алексея Сидорова”.

После вынесения оправдательного приговора следствие было возобновлено, однако родственникам Сидорова, “пострадавшей стороне”, было отказано в доступе к результатам нового расследования. Адвокаты потерпевших и Евгения Майнингера подали официальные ходатайства и жалобы: на заместителя прокурора генерала Колесникова (за воспрепятствование правосудию); о привлечении к уголовной ответственности следователей по делу Сидорова; о возмещении ущерба. Семья Алексея Сидорова и вдова Валерия Иванова также обратились с ходатайством об объединении двух дел, но им было отказано.

Осенью 2007 года дело было опять возобновлено, но вскоре закрыто, так как показания нового возможного свидетеля, бизнесмена из Краснодарского края, не добавили ничего конкретного по делу.

Эдуард Маркевич

Эдуарда Маркевича застрелили 19 сентября 2001 года в поселке Рефтинском. Около 9 часов вечера он вошел во двор дома 17 на Юбилейной улице, где его семья несколько лет снимала квартиру. Он прошел почти до половины двора, когда ему выстрелили в спину. Пуля, обычно применяемая при охоте на медведя, была выпущена из обреза двустволки с небольшого расстояния; она прошла навылет сквозь сердце Маркевича и расплющилась о стену дома.

Во дворе былолюдно, и несколько человек заметили незнакомца перед убийством и сразу после него, а также быстро отъехавшую белую машину ВАЗ-2110. В 21-30 всем поста

дорожно-патрульной службы поступило указание задержать этот автомобиль. Через десять минут его остановили, и водителя задержали; им оказался известный правоохранительным органам член одной из преступных группировок.

Исходные данные

Эдуард Маркевич в 1998 году создал еженедельник “Новый Рефт”, и его беспокойная история неразрывно связана как с характером создателя, так и с самим поселком Рефтинский, где он родился (население на 2008 год – 19 тысяч).

Этот уральский городок был заложен в 1960-х рядом с электростанцией, снабжающей энергией город Асбест, расположенный в 20 км от поселка. Рефтинский был маленьким и привилегированным населенным пунктом, и в начале 21 века уровень оплаты труда здесь был одним из самых высоких в России. В поселке выходило пять газет (шесть с “Новым Рефтом”), он мог принимать 21 телеканал.

После службы в армии Эдуард Маркевич четыре года работал на электростанции и одновременно учился в вечернем техникуме. Потом, до учреждения им газеты, был ответственным по делам молодежи в поселке. В 2000 году получил высшее образование инженера-педагога и собирался продолжить обучение на юридическом факультете: прошел тестирование в Академии государственной службы. Короткая биография Маркевича показывает, что он явно стремился к общественно-политической деятельности. Однако, как говорят его друзья и знакомые, местные власти ему в этом препятствовали.

Последней каплей стал отказ властей в предоставлении молодой семье Маркевичей обещанного жилья. Он стал требовать и протестовать, тогда его уволили. В ответ Маркевич и его сторонники стали участвовать в выборных кампаниях, он сам до конца жизни продолжал баллотироваться в местную думу. Главным инструментом для влияния на общественное мнение являются средства массовой информации, считал Маркевич, особенно независимая газета, которую он и создал в противовес уже существующей.

Версии

Эдуард Маркевич был “повышенно конфликтным” человеком, как полагают его доброжелатели, и завел немало врагов в поселке. Выступая с комментариями после смерти мужа Татьяна Маркевич, новый главный редактор “Нового Рефта”, сказала, что газета начнет писать в другом тоне.

Оперативники первое время не могли решить, с чего начать. Было много разных организаций и отдельных лиц, которые могли хотеть свести счеты с журналистом; это зачастую препятствовало анализу альтернатив. Личная жизнь Маркевича была сложной, и расследование мотива ревности нашло фактические подтверждения. Более обоснованным выглядело предположение,

СТАРАЯ ПРЕССА, НОВАЯ ПРЕССА

Из числа убитых в России управляющих и администраторов СМИ почти все были во главе новых теле- и радиокomпаний в разных регионах страны, и их гибель произошла в период 1996—2003. Убийство в марте 1995 года 39-летнего Владислава Листьева, вскоре после назначения его генеральным директором ОРТ, главного телеканала России, потрясло всех. И не в последнюю очередь потому, что его убийство было и остается нетипичным. Общим с Листьевым у них был возраст: большей частью это около 30 лет.

Большинство из 23 главных редакторов, убитых в это время, не работали в всероссийских средствах массовой информации. Восемь человек, погибших, предположительно, скорее из-за журналистской, чем коммерческой деятельности или из-за частных раздоров, жили и работали в других частях России, руководя новыми изданиями: Уланов, а позже Иванов и Сидоров – в Тольятти; Левин-Уткин – в Санкт-Петербурге; Маркевич – в Рефтинском; Кирсанов – в Кургане; Евлов – в Назрани. Исключением может показаться Лариса Юдина из Элисты. Однако препятствия, с которыми она столкнулась, показывают (на отрицательном примере) преимущества, которыми пользуются уже давно основанные всероссийские и особенно областные СМИ по сравнению с новичками.

Юдина пришла работать в “Советскую Калмыкию” в 1979 году; к 1991-ому году она стала ее главным редактором. Газета на короткое время закрылась, чтобы возродиться как независимое издание, собственником которого были журналисты. Коллектив единогласно избрал Юдину главным редактором. Сначала “Советская Калмыкия” пользовалась всеми привилегиями советского издания. После избрания в 1993 году Кирсана Илюмжинова президентом Калмыкии первая независимая газета республики столкнулась со все усиливающейся обструкцией.

Стало невозможно подписаться на газету в республике. Был зарегистрирован “двойник” с таким же названием, отсюда вынужденное добавление слова “сегодня” к заголовку независимого издания. Конфискованы помещения редакции, автомобили и компьютеры. Она потеряла доступ к типографии в Калмыкии и вынуждена была печататься в соседней Волгоградской области. Это резко снизило тираж газеты: “В “Жигули” влезает не более 4 тысячи экземпляров”, – объясняла Лариса Юдина. Политическая партия “Яблоко” помогла стабилизировать финансирование, но в 1997 году его хватало лишь на выпуск двух номеров в месяц. Когда же ничто не остановило Ларису, она была зверски убита.

Последним в этом списке стоит решительный редактор-новатор Магомед Евлов. Юрист, член Московской коллегии адвокатов, он в 2001 году создал популярную и эффективную альтернативу ограниченной и подцензурной прессе в северокавказской республике Ингушетия – веб-сайт Ингушетия.ру. В 2007 г., под давлением своего отца, он передал управление

сайтом другим людям. В июне 2008 г. Московский суд запретил деятельность веб-сайта на том основании, что он “разжигает межнациональную рознь”. В августе этого же года, будучи задержан милицией в Ингушетии, Евлов умер при весьма подозрительных обстоятельствах.

что местные милиционеры, разоблаченные в статье, опубликованной им в январе 2001 года, хотели отомстить журналисту за то, что в результате публикации против четверых из них было возбуждено уголовное дело. Ответная попытка подставить Маркевича почти удалась, но позднее привела к отставке местного прокурора и заместителя областного прокурора. Татьяна Маркевич, однако, сомневается, что это было причиной убийства. Было общеизвестно, что разоблачением местной коррупции занимался другой человек.

Еще одна версия – мечь конкурента. Маркевич жаловался в Министерство печати, телевидения и радиовещания, что у компании ЗАО “Рефт-Теле-Информ” нет должной лицензии на вещание. Но несмотря на личную неприязнь между Эдуардом Маркевичем и Алексеем Погибой, руководителем этой компании, против последнего не было найдено никаких доказательств, хотя правоохранительные органы склонны были его арестовать.

Через некоторое время на первый план вышла версия, что Маркевич был убит из-за шантажа. Подозреваемыми были те же, что и в версии убийства из-за журналистской деятельности, но теперь предполагалось, будто главный редактор использовал полученную информацию для достижения своих разнообразных целей путем шантажа. Наконец, методом исключения, оперативники остались с одной версией: Маркевича убили из-за тех материалов, что он написал и опубликовал.

Такова была точка зрения его коллег и знакомых. “Пока он обличал негодяев громкими словами – ничего серьезнее погромов с ним не происходило. Но в последний год жизни Эдик занялся расследованиями всерьез – с подбором документально-доказательной базы, многократной проверкой фактов... После этого он стал опасен по-настоящему, – говорит его друг Роман Топорков. – И кому-то однажды стало ясно, что последнее “громкое” расследование, которым он занимался полгода (с конца апреля до 19 сентября 2001) близится к завершению. И этому “кому-то” было нужно любой ценой не допустить разоблачительной публикации...” (Цитируется по <http://newreft.livejournal.com/2006/08/29/>).

Все началось с письма-жалобы в газету. За несколько месяцев Маркевич проследил ниточку от простых экономических злоупотреблений до “весьма тяжелых прегрешений”. Он не делился информацией

с коллегами, но за месяц до убийства сказал друзьям, что это будет “настоящая бомба” и “материал займет почти всю газету”. Маркевич сообщил, что у него “целая папка” доказательств. К сожалению, ни друзья, ни следствие не смогли обнаружить этой папки. Близкие знакомые журналиста говорили, что, вероятно, это связано со злоупотреблениями при строительстве, распределении и приватизации жилья.

Эта тема была не только близка ему лично, она была злободневна для Рефтинского. Город-спутник, его сравнительно новый и качественный жилищный фонд делали его привлекательной целью для всякого рода криминального вмешательства. В частности, 40-квартирный дом-общежитие, принадлежащий специализированному ПТУ (учреждению для малолетних нарушителей закона), был легкой мишенью для злоупотреблений. Первое избиение Маркевича произошло в феврале 1998 года, после публикации им статьи о спорном домовладении и попытках его приватизировать.

Подтверждают эту связь следующие события. После убийства Эдуарда Татьяна посоветовала не затрагивать горячих тем. Через некоторое время она вновь подняла вопрос в газете о том, что происходит с общежитием на Молодежной улице, 12. В октябре, вскоре после выхода статьи, совершено нападение на квартиру Т.Маркевич. Изменение тона

публикаций, говорит Сергей Плотников, не помогло предотвратить нападения. Специфическая атмосфера в поселке отчасти создавалась этим мрачным заведением и его зловещим директором. Если бы он хотел что-либо сделать с главным редактором “Нового Рефта”, то у него были связи (не говоря уж об армии малолетних преступников, включая убийц), чтобы гарантировать совершение преступления и сокрытие всех следов, чтобы препятствовать следствию и обеспечить молчание местных жителей, предполагает Сергей Плотников из ЦЭЖ.

Следствие

Местной прокуратурой 20 сентября 2001 года возбуждено уголовное дело по части 1 статьи 105 (“Убийство”). Через несколько дней оно было передано следственному отделу Свердловской областной прокуратуры.

Во время следствия проводились обычные мероприятия, от поквартирного опроса до экспертиз. После того, как дело принял прокурор Мильман, он потребовал, чтобы местные правоохранительные органы повторили некоторые из первичных действий, так как считал, что они были проведены небрежно.

Традиционное недоверие и недопонимание между журналистами и сотрудниками правоохранительных органов привело к тому,

ПОСТСКРИПТУМ: “Новый Рефт” после Маркевича

Друг Эдуарда и Татьяны Маркевичей и их коллега Роман Топорков записал историю семилетней борьбы новой газеты за выживание после убийства ее редактора и основателя.

“Новый Рефт”. 22 февраля двое мужчин в масках впервые напали на офис газеты. Ночью они вломились в здание и жестоко избили Маркевича железными прутьями. В сентябре 2001 года, после убийства Эдуарда, его вдова Татьяна стала главным редактором; в газете остались работать прежние сотрудники.

“Новый Рефт: События”. 6 ноября 2001 года вышел первый номер перерегистрированной газеты под названием “Новый Рефт: События”. Главный редактор и учредитель – Татьяна Маркевич. Журналистский коллектив прежний. 15 октября 2002 года Татьяна Маркевич объявляет на областной пресс-конференции, что она закрывает газету и уезжает из криминального поселка вследствие очередного нападения на офис.

“Новый Рефт: Факты”. С 23 октября по 31 декабря 2002 года главным редактором газеты является Лариса Топоркова. Газета перерегистрирована с названием “Новый Рефт: Факты” и продолжает выходить до 30 декабря 2004 года.

В общей сложности вышло 387 номеров газеты. Коллектив, выпускавший ее, теперь уехал из Рефтинского. Последующее издание “Новый Рефт: Курьер плюс” не смогло удержать читательскую аудиторию и сохранить гражданскую позицию своего предшественника и просуществовало лишь с января по май 2005 года.

В апреле 2004 года Роман Топорков в письме Генеральному прокурору (Владимиру Устинову) писал, что убийство Маркевича “помимо физического устранения журналиста, очевидно, преследовало цели запугивания и подавления гражданского самосознания других общественно-активных жителей поселка, демонстративного торжества криминальных структур над законом”.

что почти все неофициальные контакты между ними проходили через Сергея Плотникова. В результате следователям удалось рассмотреть большой объем документальных свидетельств и информации, не попавших в поле зрения местных оперативников.

Предварительное следствие было приостановлено 20 мая 2002 года по причине неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Оно было возобновлено и закрыто еще дважды: в сентябре-ноябре 2002 и в феврале-марте 2003. Последующие обращения к различным властям, включая президента РФ, были переадресованы в Генеральную прокуратуру, откуда отвечали, что для возобновления дела нет оснований.

Татьяна Маркевич и мать Эдуарда, а также организации-наблюдатели постоянно отправляли ходатайства и жалобы как по России, так и за границу. В апреле 2004 года Роман Топорков в письме Генеральному прокурору (Владимиру Устинову) писал, что убийство Маркевича “помимо физического устранения журналиста, очевидно, преследовало цели запугивания и подавления гражданского самосознания других общественно-активных жителей поселка, демонстративного торжества криминальных структур над законом”.

В марте 2008 года была подана апелляция в Следственный комитет генеральной прокуратуры, и дело было затребовано для рассмотрения. Однако в августе этого же года пресс-секретарь Комитета ответил, что было решено следствия не возобновлять.

В связи с невозможностью доступа к материалам следствия, эксперт ЦЭЖ старался получить впечатления тех, у кого этот доступ был. Вдова Маркевича и его мать сказали, что после этапа активного расследования следствие превратилось в формальность. Опираясь на мнение следователя Мильмана (который впоследствии ушел из прокуратуры),

Сергей Плотников в 2002 году сообщал: “Самый важный период для раскрытия преступления (первые дни после убийства) по разным причинам был местными сыщиками упущен. И в соответствии с нормой УПК, после 10 суток содержания под стражей, подозреваемый без всякой оперативной работы и без предъявления какого-либо обвинения был отпущен на свободу. Несмотря на то, что расследование убийства было взято под личный контроль заместителем генпрокурора по УрФО Золотовым, это не оказало никакого существенного влияния на ход расследования. Более того, после очень короткого периода, когда СОГ действовала в режиме наибольшего благоприятствования, следователя Мильмана “нагрузили” рутинной работой, а оперативников, приданных СОГ, под предлогом нехватки средств просто перестали пускать в командировки в Рефтинский, засадив за написание справок, отчетов и прочей бумажной текучки”.

Плотников заключает, что еще есть шанс раскрыть преступление, но только при наличии желания. Обращение с Михаилом К., главным подозреваемым, выказывает отсутствие заинтересованности в этом. После того, как не удалось допросить его или предъявить обвинение (несмотря на то, что были доказательства наличия орудия убийства в его машине), его арестовали вторично и признали виновным в хранении взрывчатого устройства. Он был осужден на два года условно, и возможность тщательно допросить его была упущена. И все же, с какой стати следователям или суду принимать такое решение, если у них нет явной поддержки сверху?

Местные журналисты и эксперт ЦЭЖ составили полный список тем, по которым работал Эдуард Маркевич, в надежде найти новые улики. Все, что казалось важным, передано руководителю следственной группы.

Владимир Кирсанов

Журналист и главный редактор «Курганских вестей» Владимир Кирсанов 17 мая 2001 года отправился на работу, но в редакции не появился. С тех пор его никто нигде не видел, однако мало кто сомневается в том, что произошло.

Следы его крови найдены в гараже, откуда он взял машину для поездки на работу, а также в багажнике. Следователи считают, что его убили в гараже и использовали машину, чтобы избавиться от тела. Потом автомобиль поставили на стоянку возле редакции, вероятно, чтобы не возбудить слишком рано подозрений сослуживцев и родственников.

Кирсанов родился и получил образование в Кургане. Население города сейчас около 324 тысяч. Как журналист начал работать в газете «Курган и курганцы», выходящей три раза в неделю. По словам коллег, он стал

ведущим журналистом в сфере экономической аналитики города и области.

Исходные данные

Зауралье является депрессивным регионом России, зависит от государственных дотаций, славится высоким уровнем коррупции. В серии публикаций Кирсанов разоблачал неэффективное правление губернатора Олега Богомолова и его администрации и стал сначала сторонником, а потом активистом местной оппозиции. «Курган и курганцы» был городской газетой, поддерживавшей мэра Анатолия Ельчанинова, у которого были натянутые отношения с региональной администрацией; к тому же он сам претендовал на пост губернатора. Кирсанов не только занимался журналистскими расследованиями, но, по словам коллег и родных, начал писать статьи по заказу мэра и его окружения. Во время кампании по выборам губернатора в 2000 году политическая позиция журналиста стала еще более явной.

Во время кампании, которую финансировал Андрей Алейников, возглавлявший группу промышленников, была специально создана газета «Абзац», и Кирсанов назначен ее главным редактором. Вместе с журналистом Павлом Овсянниковым он написал книгу-памфлет «Просто Олег». Это был замечательный пример политической литературы, в котором информация о местной экономике и коррупции переплеталась с вымышленными сценами из детства губернатора Богомолова и его личной жизни. Книга была использована и в других

антигубернаторских кампаниях, в 2004 и 2007 годах, уже после исчезновения Кирсанова.

Кандидат в губернаторы, поддерживаемый Алейниковым, не смог сместить Богомолова, но Кирсанов получил за работу в избирательной кампании приличную сумму и вложил ее в создание новой газеты «Курганские вести», которая была зарегистрирована в январе 2001 года. Она была не так политизирована, как «Абзац», но продолжала разоблачать коррупцию, и статьи Кирсанова появляются в других местных и даже во всероссийских газетах. Поначалу Алейников финансировал и эту газету, но насчет финансового положения издания мнения расходятся.

Версии

Лариса Чертова, вдова Кирсанова, перечислила четыре основных версии, рассмотренных следователями. Ей позволили один раз ознакомиться с материалами дела.

Две версии были рассмотрены и отвергнуты. Не было веских оснований считать исчезновение бытовым преступлением или инсценированным убийством. Старший брат Кирсанова Эдуард активно занимался бизнесом и вовлекал Владимира в свои проекты, включая опасную и криминализованную риэлтерскую деятельность. Это тщательно исследовалось как возможное объяснение смерти журналиста; в качестве варианта этой версии следователи предположили, что преступление может быть

связано с экономической деятельностью газеты Кирсанова. Коллеги и друзья его категорически отрицали такую возможность, и позже оперативники согласились с их доводами.

Оставалась четвертая, последняя версия, связанная с работой Кирсанова в качестве журналиста и редактора. В конце 2001 года прокурор Курганской области Николай Власов сказал московской журналистке Ирине Черновой, что убийство Кирсанова наверняка связано с его журналистской деятельностью; она готовила репортаж для программы ОРТ “Человек и закон”, но этот материал так и эфир и не вышел.

Между следствием и коллегами Кирсанова существуют, однако, серьезные разногласия по поводу характера связи смерти и работы журналиста. Служивцы говорили, что окружение губернатора Богомолова могло быть заинтересовано в том, чтобы книга-памфлет Кирсанова не была опубликована, и приняли к этому решительные меры. Следователи прокуратуры не горели желанием проверять эту версию. Тем не менее, копия книжки была включена в материалы дела после того, как Светлана Мехнина, редактор уральского издания “Аргументов и фактов”, предоставила ее электронный вариант.

За прошедшие несколько лет со дня исчезновения Кирсанова высказывались сомнения по поводу этого объяснения. В частности, соавтор Павел Овсянников подчеркнул, что задолго до выборов в декабре 2000 года в местных газетах были опубликованы многочисленные фрагменты памфлета, так что он был весьма популярен гораздо раньше мая 2001 года. Богомолов сохранил свою губернаторскую позицию, вряд ли ему нужно было убирать оппозиционного журналиста. Вдова Кирсанова, политолог по образованию, тоже высказывает сомнения в ценности такого объяснения. (У родителей журналиста не было какого-либо особого мнения о причинах исчезновения/смерти сына.)

Расследование

В день исчезновения Кирсанова, 17 мая 2001г., городской отдел милиции завел уголовное дело по факту кражи из его квартиры (статья 158.2 УК РФ). Лариса Чертова обнаружила, что кто-то побывал в квартире, и заявила об этом в милицию.

Через четыре дня, учитывая подозрительные обстоятельства исчезновения Кирсанова, городская прокуратура возбудила уголовное дело по статье 105.1 (убийство). Оба дела были объединены 23 мая и переданы в Курганскую областную прокуратуру. В расследовании принимали участие четыре ведомства: милиция, прокуратура, ФСБ и Управление по борьбе с организованной преступностью; в следственную группу входило до 15 человек.

В январе 2002 года следствие было приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Через год решение это было изучено Генеральной прокуратурой; оснований для его отмены не нашли. С тех пор дело Кирсанова время от времени рассматривалось прокуратурой Курганской области.

Вдова Кирсанова и его родители неоднократно подавали ходатайства, которые все время переадресовывались по инстанциям. Летом 2001 года генеральному прокурору России был подан инициированный Фондом защиты гласности запрос от Комитета по безопасности Госдумы (при поддержке депутата Думы Юрия Щекочихина) на получение информации по делу Кирсанова. В марте 2002 года Курган посетила специальная миссия международной организации “Репортеры без границ”, которая в подробном отчете сообщала о “многочисленных нарушениях” в ходе следствия по этому делу.

У эксперта ЦЭЖ не было доступа к материалам дела. За короткое время, отведенное ей для ознакомления с делом, вдова Кирсанова Лариса Чертова отметила некоторые недостатки в документах следствия.

Сразу после исчезновения журналиста были допрошены три человека, остальных вызвали только через три месяца. Вряд ли поэтому приходится говорить об активном расследовании. Официальное следствие явно придерживалось версий, не связывающих смерть Кирсанова с его работой как журналиста и редактора.

Изучались все риэлторские сделки, заключенные Эдуардом и Владимиром Кирсановыми в 1991—97 гг., опрошены вовлеченные в них люди, все контракты изъяты. Все же, несмотря на усердие, оперативники не смогли найти доказательств существования долгов либо обмана клиентов и партнеров, которые могли бы послужить причиной для убийства Кирсанова.

Лариса Чертова заметила, что, когда дело касалось проверки возможной связи журналистской и политической деятельности Кирсанова, допросы представителей других политических партий, различных спонсоров и выборных групп были весьма поверхностными. Вместо установления характера отношений ее мужа с оппонентами и теми, кто мог желать устранения журналиста из общественной и политической жизни области, следователи ограничивались лишь выяснением, когда то или иное лицо видело Кирсанова в последний раз.

В материалах дела нет ни упоминания о публикациях журналиста в местных газетах, ни анализа тем, хотя все они были собраны.

Начальник отдела внутренних дел Курганской области полковник Борис Тимоненко предположил позже, что уже после выборов в декабре 2000 года Кирсанов расследовал факты и опубликовал статьи, которые могли угрожать местным официальным лицам, связанным с преступностью в Курганской и смежной Свердловской областях. Эти лица, используя отрицательное отношение властей к журналисту, вполне могли использовать эту возможность избавиться от неудобного вездливого журналиста. Друзья же Кирсанова, фокусируясь на книге-памфлете "Просто Олег" и иной пиаровской деятельности, могли упустить из виду такой вариант.

Дмитрий Холодов

В понедельник утром 17 октября 1994 года Дмитрий Холодов забрал из камеры хранения Казанского вокзала в Москве портфель, который был оставлен для него. Военный корреспондент "Московского комсомольца" Холодов через несколько дней собирался выступить в Думе на слушаниях о коррупции в армии. В портфеле, как сообщил ему его информант, находятся дополнительные материалы для этого выступления.

Вернувшись в редакцию, Холодов открыл портфель. Тот был начинен взрывчаткой. Взрыв убил журналиста, повредил помещение редакции и ранил еще троих сотрудников, находившихся в этой же и в соседней комнате.

Дмитрий Холодов вырос в Московской области. После службы пулеметчиком на авианосце учился в Московском инженерно-физическом институте; вернулся в Климовск, где работал вместе с родителями в ЦНИИ точного машиностроения. Однако возможности в оборонной промышленности резко сокращались, и Дима стал заниматься журналистикой – сначала на местном радио, затем, с 1992 года, в "МК".

Исходные данные

"Московский комсомолец" – еженедельник советской эпохи, сохранивший свою популярность и тираж в 1 миллион в Москве и многих местных изданиях по всей России. Он рассчитан на молодежную (и не только) аудиторию и особенно почитаем в начале 90-х годов в вооруженных силах.

С 1993 года Холодов вел репортажи для газеты из Ингушетии, Чечни, Азербайджана, с таджикско-афганской границы; написал

много статей о конфликте в Абхазии, в которых критиковал роль России. В конце этого года Холодов проинтервьюировал министра обороны Павла Грачева на тему вооруженных столкновений в Москве между сторонниками президента Ельцина и Верховного Совета в октябре того года. Это положило начало враждебности, которая длилась весь последний год жизни Холодова, подпитываемая 18 статьями с критикой министра обороны по разным поводам.

Холодов писал о положении в вооруженных силах в целом. Он ратовал за профессиональную армию. Однако постоянной мишенью его критики была коррупция в Западной группе войск. В 1991 году более полумиллиона солдат, офицеров и их семей было выведено из бывшей Восточной Германии. Основываясь на своих источниках информации внутри армии и Министерства обороны, Холодов подробно описывал злоупотребления старших офицеров и чиновников средствами, призванными облегчить этот вывод войск. После публикации большой статьи, озаглавленной "В России существует военная мафия", где Холодов связывал Грачева с этими злоупотреблениями и махинациями, ему позвонили по телефону с угрозами, и он на время исчез, даже не оповестив газету, куда именно. Вскоре, однако, Дмитрий возобновил расследования.

Версии

Скоро после убийства были установлены, по меньшей мере по двум разным источникам, основные подозреваемые. Во время суда и после него они заявляли, что генеральный прокурор Юрий Скуратов вынудил следователей рассматривать только их возможную вину, после того, как информировал президента Ельцина, что убийцы Дмитрия Холодова найдены. Однако доказательства против них собраны тщательно и представлялись убедительными.

Когда Владимир Познер в апреле 1994 года спросил Павла Грачева о военной угрозе и врагах России, министр ответил пораженному телеведущему, что таким врагом является журналист Дмитрий Холодов. Этот эпизод передачи в эфир не вышел, но произвел большое впечатление на присутствующих в студии; впоследствии его изъяли и добавили к материалам дела. Военному корреспонденту "Московского комсомольца" уже запретили участвовать в пресс-конференция в Министерстве обороны, и всем воинским частям разослали о нем рапорта. На суде Грачев давал свидетельские показания и не отрицал, что дал подчиненным указание "разобраться" с Холодовым. Если кто-то считал, что это означало физическое устранение журналиста, то его слова неправильно поняли.

Осенью 1994 года Дмитрий разрабатывал четыре темы: различные махинации Грачева;

коррупция в Западной группе войск Российской армии; положение в Чечне; и то, что он открыл о спецподразделении 45 полка ВДВ. У широкой публики и коллег-журналистов не было сомнений, почему Холодова убили и кто стоит за преступлением. Десять тысяч человек прошли у его гроба. "Московский комсомолец" открыто обвинил министра обороны.

К этому времени уже были задокументированы восемь смертей работников средств массовой информации, но эта гибель была и остается исключительной. Убийство среди бела дня, которое могло вызвать еще больше смертей и разрушений; только еще один раз было использовано такое направленное взрывное устройство (в 2002 году директор Дальневосточной телекомпании Олег Сединко погиб в результате взрыва в его подъезде бомбы с дистанционным управлением).

Следствие

Московская прокуратура возбудила уголовное дело по статье 102 (убийство) действующего тогда Уголовного кодекса от 1960 года.

"Московский комсомолец" предложил вознаграждение в 2000 долларов США за информацию, способствующую установлению исполнителей убийства. Первого декабря 1994 года по указанному в газете контактному телефону позвонил ефрейтор 45 полка ВДВ и встретился с представителем "МК" и офицером ФСК, назначенным принимать и расследовать такие звонки.

Ефрейтор Маркелов назвал офицеров спецназа из этого полка (Сорока, Морозов), будто они собрали взрывное устройство и положили его в портфель. На следующую встречу он не явился, так как вместе с полком был отправлен в Чечню.

В последующие четыре месяца Маркелов лишь несколько раз возвращался в Москву с Северного Кавказа. Тем временем его имя и информация, переданная им, была сообщена сотрудниками ФСК и отдела по борьбе с организованной преступностью полковнику Поповских, который позже был обвинен в организации убийства Холодова. В результате Маркелов попал под давление старших офицеров, и его вынудили подписать показания, которые потом были использованы для опровержения свидетельств ефрейтора в суде.

Однако уже через десять дней после убийства Холодова отдел борьбы с

организованной преступностью Московской милиции также получил из собственных конфиденциальных источников информацию о том, что за этим убийством стоит 45 полк. Неназванный информант опознал Морозова как человека, непосредственно ответственного за взрыв.

С осени 1995 по весну 1996 офицеров спецназа 45 полка вызывали для снятия показаний в Генеральную прокуратуру. Были допрошены Павел Грачев и два старших офицера полка, но для их обвинения, считала прокуратура, не было достаточно доказательств. Грачев оставался министром обороны до осени 1996 г., и, наверное, это служило прикрытием подозреваемым. Однако их телефоны и квартиры прослушивались. В начале 1998 года было арестовано шесть человек, которые начали давать показания. Трое, в их числе Поповских, признали и описали свое участие в убийстве. В 2000 году дело было представлено в суд.

Суд

Шесть человек были обвинены в краже боеприпасов, сборке взрывчатого устройства, умышленном убийстве Холодова, попытке убийства Деевой и двух других, а также в умышленном разрушении собственности. Поповских было дополнительно предъявлено обвинение в злоупотреблении служебным положением. Так как четверо обвиняемых были военнослужащими, дело рассматривалось Московским окружным военным судом, хотя по причинам безопасности слушания проходили не в здании суда, а в СИЗО.

Спустя два года полковник Сердюков и судьи вынесли решение, что для осуждения обвиняемых недостаточно доказательств, и 26 июня 2002 года все они были оправданы. После оглашения приговора прокурор Ирина Алешина устроила пресс-конференцию, на которой объявила, что Генеральная прокуратура подаст апелляцию против этого решения и впервые публично рассказала об угрозах физического насилия и попытках подкупа, имевших место с тех пор, как стало известно о ее назначении.

По ее мнению, существуют “неопровержимые доказательства” причастности обвиняемых к совершению преступления. Есть свидетельские показания, признания нескольких обвиняемых, результаты

судебно-медицинской и других экспертиз. Хотя Поповских и отказался на суде от своих прежних показаний, его чистосердечное признание во время следствия было сделано в присутствии адвоката. Судья также был неправ, не приняв в расчет показаний Маркелова, отчасти на том основании, что тот получил вознаграждение за информацию.

Протест Генеральной прокуратуры был поддержан военной коллегией Верховного Суда 27 мая 2003 года, и два месяца спустя начался новый суд. Он тоже проходил в Московском районном военном суде, на этот раз под руководством судьи Евгения Зубова, который впоследствии будет председателем суда по делу Политковской. Тон и манера заседаний отличались от предыдущих, но 10 июня 2004 года обвиняемые вновь были оправданы, теперь уже не за недостаточностью доказательств, а за “недостатком причастности”.

Вторая апелляция была подана в военную коллегию Верховного Суда. Обвинители просили, чтобы дело было передано любому другому военному суду, кроме Московского. Родители Холодова тоже заявили Верховному суду официальную жалобу, что судьи Сердюков и Зубов фальсифицировали ежедневные протоколы слушаний, а эксперты, исследовавшие тип использованной взрывчатки, были далеко небеспристрастны. Подразумевалось, например, что заряд был гораздо меньше и использован скорее для того, чтобы напугать Дмитрия Холодова, а не убить.

Через год военная коллегия отклонила просьбу. Потерпев неудачу в попытках добиться справедливости в рамках судебной системы России, пожилые родители Холодова сказали, что для того, чтобы дело об убийстве их сына было рассмотрено в законном порядке, они обратятся в Европейский суд по правам человека в Страсбурге.

Жалоба Юрия и Зои Холодовых в августе 2005 года была принята на рассмотрение Судом в Страсбурге. Суд принял решение (14 сентября 2005), что родители Холодова не могут обращаться от его имени, так как убийство произошло прежде, чем Россия была принята в Совет Европы (1996), и, что более важно, прежде чем она ратифицировала Конвенцию по правам человека. Не помогли ни усилия адвокатов Каринны Москаленко и Рачковского, которые успешно представляли другие дела в Страсбурге, ни вмешательство международных организаций.

Избирательное правосудие

Весной 2005 года, когда участники процесса по делу Холодова второй раз ожидали вынесения решения, одна из российских газет писала: “Обвиняемым уже нечего бояться. Срок давности по убийству Дмитрия Холодова истек в октябре прошлого года” (“Ведомости”, 11 марта 2005). Даже если в конце концов их признают виновными, наказания не последует.

В соответствии со старым Уголовным кодексом, срок давности за особо тяжкие преступления истекает через десять лет. Вследствие этого ответственные за убийства журналистов и других работников СМИ в период 1993—96 гг. (более тридцати таких убийств остались нераскрытыми), не могут быть привлечены к ответственности за эти преступления, если они не совершили никаких новых. В действующем УК срок давности за умышленные убийства и другие особо тяжкие преступления увеличен до 15 лет. Тем, кто наблюдал за попытками с 1993 года обеспечить правосудие в отношении всех убитых журналистов, но особенно погибших в результате выполнения профессиональных обязанностей, наиболее тревожным представляется существование негласных ограничений. Некоторые части страны, люди с определенным положением в обществе и целые государственные институты остаются, очевидно, недосягаемы для закона.

В сентябре 2007 года следствие было официально отделено в прокуратуре путем создания Следственных комитетов на каждом уровне. Надеялись на то, что у них будет достаточно власти, чтобы взяться за

фигуры категории А, такие, как бывший вице-губернатор Липецкой области, потребовавший, чтобы Игорь Домников был доставлен к нему “на беседу”. Следственный комитет возобновил расследование весьма подозрительной смерти Юрия Щекочихина в 2003 году. Однако недавно дело это было закрыто. Больше ничего не слышно и о продлении расследования убийства Игоря Домникова.

На пресс-конференции после объявления вердикта по делу Политковской адвокаты семьи и шеф-редактор “Новой газеты” обсуждали, почему расследование и последующее судебное разбирательство привели к оправданию подозреваемых (Приговор всей системе, “Новая газета”, № 17, 20

февраля 2009). “Но нам не нужно назначенных убийц. Я в своей практике иногда

с удивлением смотрела на потерпевшую сторону и, если недостаточно доказательств, я всегда думала: “Да зачем вам нужно, чтобы посадили именно этих людей? Или вам правда все-таки нужна?” Моим доверителям нужна только правда”, – отметила Каринна Москаленко. Не было попыток оспорить решение присяжных: с самого начала они продемонстрировали свою независимость и обеспечили более справедливый суд, чем мог бы быть в ином случае. Недостатки относятся скорее к обвинению и представленным следствием доказательствам. Как сказала адвокат семьи Политковских Анна Ставицкая, “дело в таком виде не должно было идти в суд”.

Следователи работали в очень сложных условиях, им постоянно препятствовали, сказал Сергей Соколов, шеф-редактор “Новой газеты”. Если бы у них была возможность работать свободно и использовать свои полномочия для истребования и изучения любого документа и допросов всех свидетелей, дело было бы гораздо сильнее. Ему возражала Каринна Москаленко, говоря, что, “не слышала ни в ходе следствия, ни потом никаких жалоб от следствия, что им мешают работать. ... чтобы честь своего мундира по-настоящему защитить, они должны сказать о фактах и обстоятельствах, препятствующих проведению нормального расследования”. Они должны были немедленно подать официальную жалобу, называя организации или людей, которые вмешиваются. Лишь настаивая на своих правах и отстаивая самостоятельность следствия могло бы обеспечить надлежащее отправление правосудия.

Рекомендации

Главными темами для России сегодня являются независимость судебной системы и беспристрастность выполнения законов. Важную роль в открытом обсуждении этих тем и решении проблем играют средства массовой информации. Им будет трудно в этом до тех пор, пока они сами не получают поддержку и полную защиту закона:

- 1 Положительно то, что многие убийства сейчас рассматриваются в судах. Необходимо принять меры к искоренению полной безнаказанности в тех частях страны, где многие годы никто не привлекался к ответственности за убийства журналистов. Это относится не только к Северному Кавказу (включая Чечню), но и к Санкт-Петербургу.
- 2 Исключительно высокий процент оправданий в случаях, когда журналисты были убиты за свою работу, дает основания предполагать, что что-то неладно с тем, как эти суды проводились. К тому же почти никогда не были привлечены к ответственности те, кто организовал, заплатил и заказал такие нападения. Очевидно, следствия по делам подобного рода нуждаются в улучшении и большей поддержке федеральных властей.
- 3 Расследование преступлений против журналистов и других работников СМИ следует поручать наиболее квалифицированным следователям и прокурорам. Квалификация эта подразумевает не только личный опыт сотрудников, но и разработку практических рекомендаций, помогающих им в работе.
- 4 Поскольку преступлений против журналистов много, важно вести их отдельный учет и составить обобщение следственной и судебной практики по этим уголовным делам. Это следует сделать в масштабах всей страны с привлечением следователей, прокуроров и криминалистов силами Генеральной прокуратуры.
- 5 Такое обобщение опыта позволило бы создать методiku расследования нападений, убийств и других преступлений против журналистов. Пока, похоже, не было попыток создания такой методики, хотя преступления против журналистов имеют свою специфику, и разработанные на основе коллективного опыта рекомендации по расследованию таких преступлений значительно помогли бы следователям страны.
- 6 По всей России в регионах администрация и правоохранительные органы часто связаны системой взаимных обязательств. Если местный чиновник или один из его деловых друзей замешаны в преступлении, вряд ли можно ожидать объективных результатов от официального расследования. Возможно работа следователей в таких случаях была бы более эффективной, если поручить ее правоохранительным органам другого региона. Для объективности уголовные дела в отношении гибели журналистов поэтому должны быть взяты под контроль центральных (федеральных) властей страны. Если станет очевидной бюрократическая обструкция расследования, тогда материалы дела должны быть немедленно изъяты и переданы для расследования либо в центральные органы, либо в другую область.

7 Результаты официального расследования смертей журналистов практически недоступны, закрытость следствия превышает разумные границы “следственной тайны”. Зачастую это кажется просто ширмой для сокрытия нарушений или беспомощности правоохранительных органов в раскрытии конкретного убийства. Возможно необходимы поправки к закону, чтобы странности следствия под благовидным предлогом не становились тайной, похороненной вместе с расследованием.

8 Возможным подходом при необходимости могло бы стать предложение о поправках к существующему законодательству с целью ужесточения наказания за убийство журналиста, по аналогии со статьей 317 Уголовного кодекса. Внесенная в 2004 году поправка предусматривает наказание за покушение на убийство представителя правоохранительных органов в размере 15—20 лет лишения свободы или пожизненное заключение.

9 Профилактика преступлений против журналистов – другой очень важный вид деятельности. Она должна включать не только более серьезный отклик на сообщения журналистов о преследовании, но и, например, мониторинг выступлений чиновников, политиков и других публичных людей на предмет недопустимых угроз в адрес представителей СМИ и часто последующего насилия.

Если бы первые нападения на Эдуарда Маркевича в 1998 году были тщательно и объективно расследованы, он, возможно, не был бы убит 19 сентября 2001 года. За многие годы медийные наблюдатели и журналистские организации собрали по всей России информацию о нападениях на журналистов и других работников СМИ. Теперь власти, судебная система и правоохранительные органы страны должны действовать незамедлительно на основе этой информации и бороться с безнаказанностью на всех уровнях – российском, областном и районном.

Предлагаемая экспертами ФЗГ и ЦЭЖ схема аналитического расследования гибели журналистов

I. Фабула дела:

1. кто; когда; при каких обстоятельствах;
2. краткая биография журналиста;
3. характеристика издания, на которое работал журналист;
4. версия (или версии) выдвигавшиеся официальным расследованием;
5. версия (или версии) выдвигавшиеся коллегами, изданием;
6. версия родственников (если она отличается от версии, выдвигавшейся коллегами, изданием).

II. Основные этапы следственных действий и мероприятий:

1. когда и кем возбуждено уголовное дело;
2. переквалификация (если она была) состава преступления;
3. передача дела по подследственности;
4. следственные действия (если были);
5. фамилии следователей или руководителей следственных групп;
6. надзорные инстанции.

III. Претензии, предложения и жалобы; их судьба и роль в деле.

1. от процессуальных сторон;
2. от общественных организаций;
3. от частных лиц;
4. от средств массовой информации.

IV. Судебные процедуры:

1. передача дела в суд (время, место), соблюдение сроков судопроизводства;
2. большие перерывы в процессе;
3. замена адвокатов;
4. замена прокуроров;
5. кассационные жалобы и решения по ним;
6. надзорные жалобы и решения по ним.

V. Сегодняшнее состояние дел:

1. приговор вступивший в силу;
2. закрыто, прекращено, приостановлено, отправлено на доследование.

VI. Нарушения в ходе следственных и судебных мероприятий:

1. объективная оценка доказательной базы (если есть доступ к делу);
2. если доступа нет – субъективные оценки или впечатления – потерпевших, следователей, прокуроров, экспертов, адвокатов.

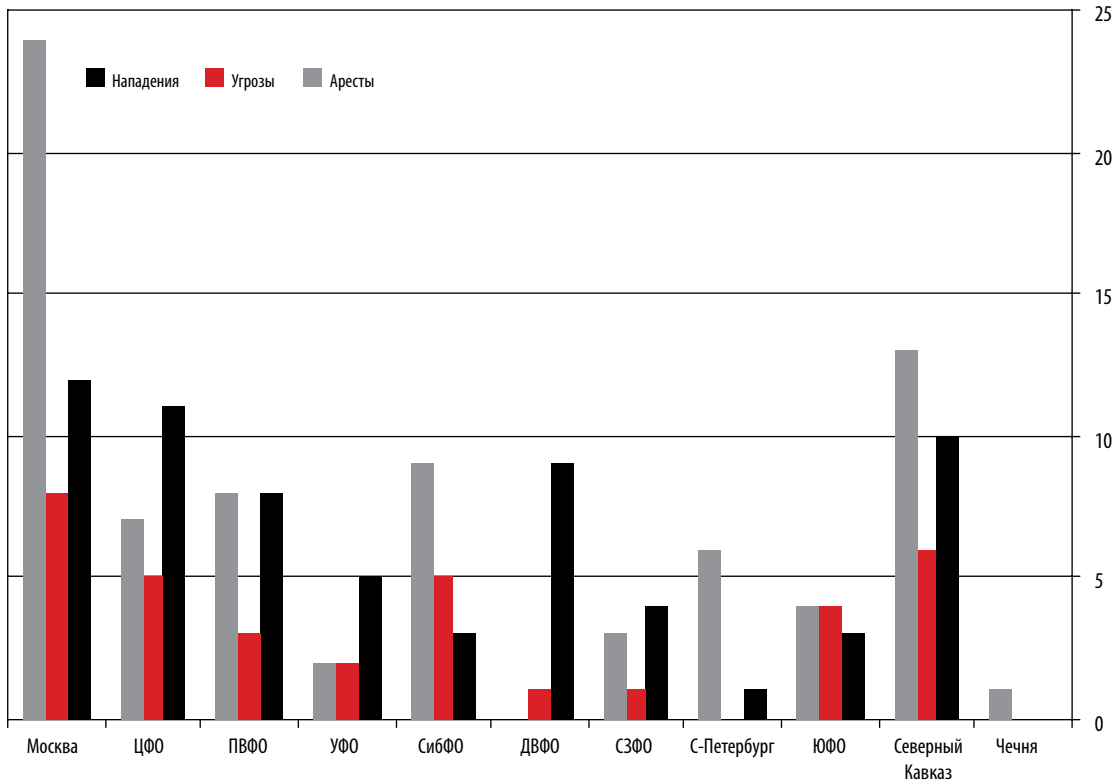
VII. Оценка усилий по предупреждению преступления:

1. принятые правоохранительными органами;
2. принятые самими СМИ.

Конфликты, зафиксированные службой мониторинга ФЗГ на территории РФ в течение 2008 года

Journalists in conflict and danger, 2008

В число арестованных в 2008 году дважды попал Магомед Евлоев (Ингушетия); среди получавших угрозы – Тельман Алишаев (Дагестан). Михаилу Бекетову (Химки) угрожали и привлекали его к уголовной ответственности; в ноябре 2008 года он был избит и долго находился в коме.

Шафиг Амрахов (Мурманск) умер 4 января 2009 года после нападения в декабре 2008.

Единственный зафиксированный в 2008 случай конфликта в Чечне был арест канадской журналистки Джейн Армстронг. С 2004 года, похоже, ни один журналист не погиб в республике.

В 2008 произошло в целом 1,450 конфликтов. Для сравнения с прошлыми годами: 1,502 (2007), 1,345 (2006) и 1,322 (2005).

Нападения и угрозы, 109: нападения (69), угрозы (35), смерти (5)

Задержания или аресты, 78

Физическое принуждение, 43: попытки выселения из помещений (5), нанесение ущерба помещениям (7), повреждение оборудования и/или попытки изъятия его (31)

Отказ в доступе к информации, 280

Нарушения нормального хода работы, 210: закрытие издания (41), препятствование деятельности интернет-изданий (40), конфискация тиража (31), отказ в печати или распространении (30), цензура (21), отключение от эфира, прекращение вещания (21), выпуск "двойников" печатных изданий (13), незаконное увольнение журналистов и редакторов (13)

Правовые меры, 283: уголовные обвинения (47), судебные иски (236)

[118 из этих исков были рассмотрены в 2008, 48 удовлетворены]

Международные правила для безопасной журналистики (International Code of Practice for the Safe Conduct of Journalism)

Опасности, с которыми сталкиваются журналисты и другие работники средств массовой информации в рискованных ситуациях и зонах конфликтов, подробно записываются. За последние десять лет Международная федерация журналистов зарегистрировала более тысячи случаев гибели журналистов и других работников СМИ во всем мире.

Многие журналисты были убиты, ранены или подверглись нападениям в местах военных действий либо став мишенями враждующих сторон, либо попав в перестрелку. Некоторые стали жертвами умышленных нападений и запугиваний со стороны преступников и террористов или органов государственной власти – полиции, военных либо сил безопасности, – действующих секретно и незаконно.

Журналисты и организации СМИ зачастую мало что могут сделать, чтобы не допустить потерь. Несчастные случаи неизбежны, сколько бы усилий ни прилагалось для обеспечения защиты. И также очень трудно найти средства противодействия, когда те, кто нападает на СМИ, использует безжалостные и зверские методы для прекращения журналистского расследования.

Однако существуют меры, которые следует предпринимать журналистам и организациям СМИ для уменьшения риска. Следующие шаги являются жизненно важными при обеспечении защиты:

- 1 Журналисты и другие работники СМИ должны иметь соответствующее снаряжение для всех заданий, включая наборы первой медицинской помощи, средства связи, подходящие транспортные средства и, при необходимости, защитную одежду.
- 2 Медийным организациям и, в надлежащих случаях, государственным органам следует проводить обучение журналистов и других работников СМИ поведению в опасных ситуациях. Это относится к тем работникам, которым предстоит выполнение задания в заведомо рискованных условиях или когда можно предполагать, что такие условия ожидаются.
- 3 Должностные лица обязаны информировать своих служащих о необходимости уважения прав журналистов и проинструктировать их о соблюдении физической неприкосновенности журналистов и других работников СМИ во время их работы.
- 4 Медийным организациям следует обеспечить социальную защиту всем сотрудникам, выполняющим выездные задания, включая страхование жизни.
- 5 Медийным организациям следует обеспечить бесплатное медицинское обслуживание, включая затраты на восстановление здоровья, журналистам и другим работникам СМИ, пострадавшими или заболевшими во время выполнения выездного задания.
- 6 Медийным организациям следует обеспечить защиту внештатным сотрудникам и работникам, занятым частично. Они должны получать те же самые социальные гарантии, доступ к обучению и оборудованию на равных условиях со штатными сотрудниками.

Этот отчет составлен по информации, собранной из российских источников.
Она доступна по-русски и по-английски на веб-сайте www.journalists-in-russia.org

На обложке портреты некоторых журналистов, упомянутых в этом отчете и в базе данных - Анастасия Бабурова • Артем Боровик • Фират Валеев • Магомед Варисов • Шамиль Гигаев • Марина Горелова • Хусейн Гузуев • Игорь Домников • Магомед Евлоев • Нина Ефимова • Владислав Захарчук • Валерий Иванов • Вячеслав Ифанов • Шимхан Кагиров • Фархад Керимов • Владимир Кирсанов • Галина Ковальская • Вагиф Кочетков • Валерий Кривошеев • Дмитрий Крикорянц • Леонид Кузнецов • Павел Макеев • Максим Максимов • Эдуард Маркевич • Рамзан Межидов • Евгений Молчанов • Юлия Находкина • Валентина Неверова • Сергей Новиков • Юхан Пиест • Александр Питерский • Виктор Попков • Валерий Савинцев • Иван Сафронов • Александр Сидельников • Алексей Сидоров • Иван Скопан • Родерик Скотт • Наталья Скрыл • Александр Смирнов • Феликс Титов • Рамзан Хаджиев • Пол Хлебников • Дмитрий Холодов • Надежда Чайкова • Максим Шабалин • Ильяс Шурпаев • Юрий Щекочихин • Синтия Элбаум • Супьян Эпендиев • Лариса Юдина • Анатолий Ягодин • Руслан Ямалов • Валентин Янус • Владимир Яцина

